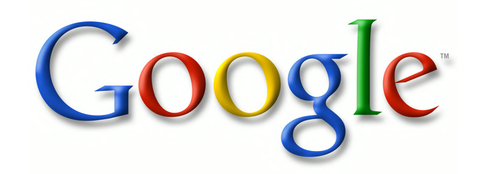
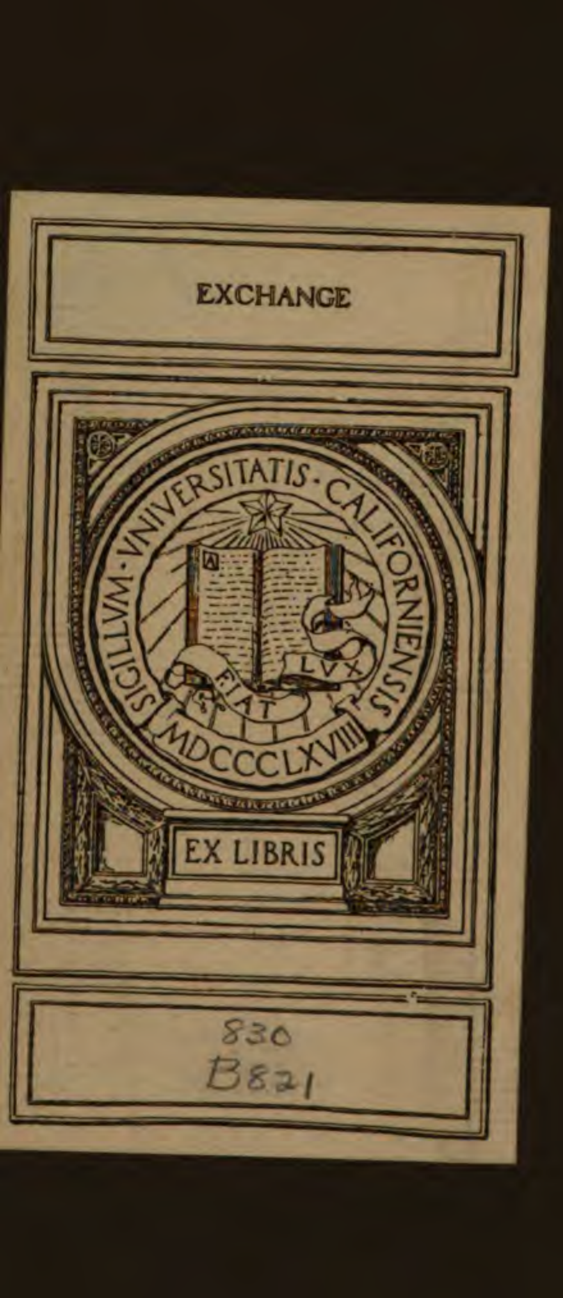

EXCHANGE
SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS
830
B821

Р. Ѳ. Брандтъ,

Заслуженный Профессоръ
Императорскаго Московскаго Университета.

Brandt, R. F.

КРАТКАЯ
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА
СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

(Фонетика и морфологія).

**Изданіе Общества Взаимопомощи
студентовъ-филологовъ при И. М. У.**

МОСКВА.

1915.

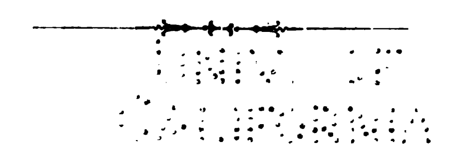
Р. Ѳ. Брандтъ,

Заслуженный Профессоръ
Императорскаго Московскаго Университета.

КРАТКАЯ
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА
СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

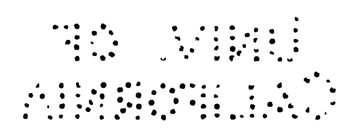
(Фонетика и морфологія).

Изданіе Общества Взаимопомощи студентовъ-филологовъ при И. М. У.

МОСКВА.

1915.

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Славянскіе языки, подлежащіе нашему сравнительному обзору, при коемъ мы не каждое явленіе будемъ слѣдить по всѣмъ языкамъ и лишь изрѣдка будемъ вдаваться въ подробности ихъ областныхъ нарѣчій и говоровъ, слѣдующіе:

1) старославянскій или, какъ я предпочитаю его называть, староцерковный, 2) болгарскій, 3) сербо-хорватскій, 4) словенскій (иначе — словинскій или еще хорутанскій, а у самихъ словенцевъ, именно краинцевъ, также кра́инскій), 5) русскій, 6) словацко-чешскій, 7) сербо-лужицкій (нарѣчія: верхнелужицкое и нижнелужицкое), 8) кашубско-польскій и 9) полабскій [1]).

Изъ этихъ языковъ два: староцерковный и полабскій, — мертвые.

Отъ языка староцерковнаго мы отличаемъ, какъ видоизмѣненіе его на русской почвѣ, новоцерковный — языкъ русскихъ церковныхъ книгъ и богослуженія. При употребляемыхъ обыкновенно названіяхъ: старославянскій и церковнославянскій, отношеніе между обѣими разновидностями представляется неправильно: старославянскій языкъ вѣдь тоже былъ языкомъ церковнымъ. Кромѣ того, названіе старославянскаго языка примѣнимо и къ русскому, и къ польскому и т. д. въ ихъ стари́нномъ видѣ. Миклошичъ староцерковный языкъ называлъ «старословенскимъ» (altslovenisch), считая его достояніемъ нѣкогда единыхъ по языку болгаръ и словенцевъ, да еще и въ виду того, что въ старинныхъ памятникахъ читается названіе **ѩꙁꙑкъ словѣньскъ**, въ чемъ мы, какъ обыкновенно и дѣлалось, будемъ видѣть общеплеменное названіе «славянскій». Миклошичевское названіе наводитъ на мысль, что староцерковный языкъ — прямой предокъ нынѣшняго словенскаго. Между тѣмъ въ настоящее время вернулись ко взгляду, коего я лично никогда вполнѣ не оставлялъ, что староцерковный языкъ — староболгарскій [2]). Употребляя послѣдній терминъ, языкъ собственно бол-

[1]) Насчетъ географіи славянскихъ народовъ, здѣсь не излагаемой, слѣдуетъ справиться въ другихъ пособіяхъ.

[2]) У насъ вездѣ употребленъ прикладокъ «старый»; часто вмѣсто него, въ разномъ объемѣ, употребляется «древній», тѣмъ я привыкъ обозначать болѣе отдаленныя времена.

гарскій приходится называть новоболгарскимъ. Подобнымъ же образомъ Миклошичъ нашъ словенскій языкъ называлъ новословенскимъ. Что до другихъ названій словенскаго языка, то указывающія лишь на отдѣльныя области хорутанскій и краинскій (послѣдняя область, правда, главная, наиболѣе чистая) неудобны и мало употребительны. Лучше названіе словинскій, т.-е. иной выговоръ, вмѣсто словѣнскій; это словинскій можно даже рекомендовать для отличія отъ языка словаковъ, который они сами, а вслѣдъ за ними большинство ученыхъ, называютъ словенскимъ. Мы, однако, примкнемъ къ тѣмъ, кои отъ предметницы словакъ образуютъ прикладокъ словацкій. Къ тому же и названіе словинскій повторяется у западныхъ славянъ: словинцами называетъ себя часть кашубовъ, рѣчь которыхъ есть словинскій говоръ кашубскаго нарѣчія или, по другимъ, словинское нарѣчіе кашубскаго языка.

Мы здѣсь насчитали 9 славянскихъ языковъ, но число это можно значительно увеличить, если говорить объ особыхъ языкахъ кашубскомъ, словацкомъ, о двухъ лужицкихъ, о двухъ или даже о трехъ русскихъ. Неопредѣленность зависитъ отъ того, что границу между языкомъ и нарѣчіемъ трудно установить.

Изъ нашихъ славянскихъ языковъ староцерковный, болгарскій, сербо-хорватскій и словенскій явно образуютъ одну группу южнославянскихъ языковъ[1]), а словацко-чешскій, сербо-лужицкій, кашубско-польскій другую группу—западнославянскихъ; отношеніе же къ этимъ языкамъ русскаго понималось различно. Патріархъ славистики Добровскій объединялъ его съ южными языками въ одну юговосточную группу, коей противоставлялись остальные языки, какъ сѣверозападные. Взглядъ этотъ, однако, сразу вызвалъ возраженія Михаила Максимовича и Востокова, вслѣдъ за которыми мы и будемъ считать русскій языкъ особою группою, восточною, сходствующею (кромѣ двухъ своеобразныхъ чертъ: полногласія и смягченія «д» въ «ж») то съ южною, то съ западною.

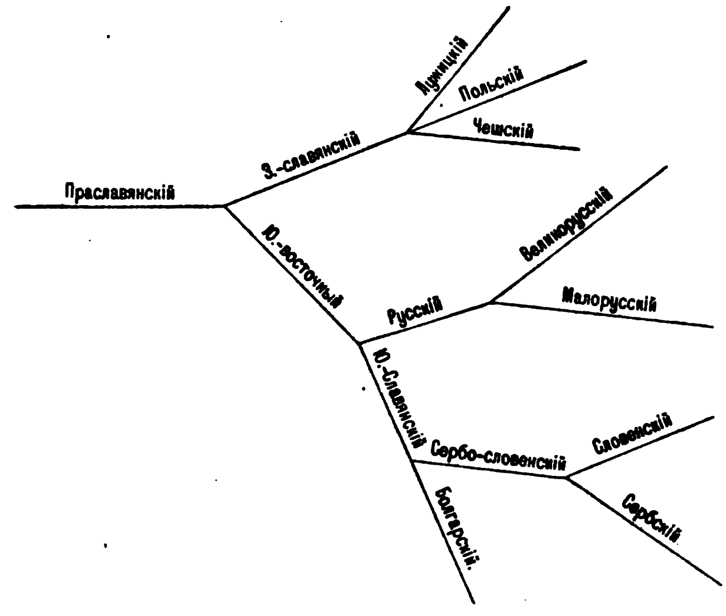
Географически, вмѣсто южныхъ и западныхъ славянъ при восточныхъ, удобнѣе говорить о югозападныхъ и сѣверозападныхъ; но получающееся при этомъ объединеніе этихъ славянъ въ одну цѣлость, противополагаемую русскимъ, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ язычнымъ соотношеніямъ.

Развитіе отдѣльныхъ славянскихъ языковъ изъ предполагаемой въ виду ихъ тѣснаго родства единой славянской рѣчи, языка праславянскаго, обыкновенно представляли себѣ, какъ развѣтвленіе, связанное съ разселеніемъ единаго племени въ разныя стороны.

---

[1]) Хотя языкъ болгарскій, рѣзко расходясь со всѣми славянскими языками, даже со своей старинной разновидностью, староцерковнымъ, почти вовсе утратилъ склоненія, чѣмъ сходствуетъ съ языками романскими.

Соотвѣтственно этому Шлейхеръ изображалъ его въ видѣ родословнаго древа, а именно такъ:

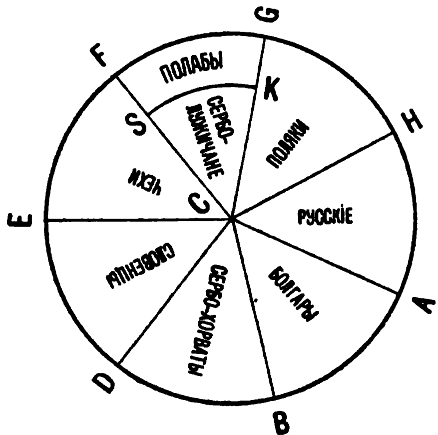

Черт. 1.

Воспроизводя Шлейхеровъ чертежъ, я не счелъ нужнымъ сохранить нѣкоторыя особенности его терминологіи.

Можно, впрочемъ, обойтись и безъ разселенія, принявши «волновую» теорію (Wellentheorie) Іоганна Шмидта (Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus, томъ II—о полногласіи и связанныхъ съ нимъ явленіяхъ), и говорить о возникновеніи въ разныхъ мѣстахъ единой территоріи тѣхъ или иныхъ измѣненій языка и о распространеніи ихъ то болѣе, то менѣе широкими волнами, вродѣ круговъ отъ брошеннаго въ воду камня.

Іоганнъ Шмидтъ снабдилъ свое ученіе слѣдующимъ чертежомъ:

Черт. 2.

Чертежъ этотъ даетъ довольно вѣрное понятіе о родственныхъ отношеніяхъ между славянскими языками, хотя кое-что и вызываетъ на споръ. Такъ, сербохорватская, да и словенская, рѣчь ближе къ русской, чѣмъ болгарская, а ближайшими родичами русскихъ изъ западныхъ славянъ являются чехи (точнѣе — словаки), а едва-ли поляки.

Возникновенье и распространеніе новыхъ особенностей, по Шмидтовой теоріи, можно пояснить хоть такими примѣрами.

Гдѣ-нибудь на пространствѣ ABDEFC возникло стремленіе, вмѣсто древнѣйшаго выговора «ворна» (порусски «ворона»), произносить «врана», а затѣмъ этотъ обычай распространился на всю область ABDEFC, но не вышелъ за ея предѣлы. Гдѣ-нибудь въ пространствѣ HCEFG возникъ выговоръ «свѣца», вмѣсто древнѣйшаго «свѣтја» (т-ј-а надо читать «тья»), русскаго «свѣча», и сталъ господствующимъ во всей этой области.

Такимъ образомъ, развѣтвленіе языковъ можетъ быть объясняемо и безъ великаго переселенія.

Изъ числа славянскихъ языковъ главнымъ для нашего обзора является староцерковный. Это староболгарское нарѣчіе отличается такою архаичностью, столь вѣрнымъ сохраненіемъ древнихъ чертъ, что, за рѣдкими исключеніями, можетъ намъ замѣнять не дошедшій до насъ ни въ какихъ памятникахъ языкъ праславянскій. Мы поэтому и будемъ обыкновенно выводить инославянскіе звуки и формы изъ староцерковныхъ, подразумѣвая оговорку, что произошли они изъ тождественныхъ (или же отличавшихся мелкими, для насъ неопредѣлимыми, особенностями) звуковъ и формъ праславянскихъ.

ФОНЕТИКА.

Судьба глухихъ.

Разсмотримъ прежде всего судьбу гласныхъ **ъ** и **ь**, которые, по терминологіи покойнаго Филиппа Өедоровича Фортунатова, называются ирраціональными. Но этотъ терминъ вовсе не такъ характеренъ, чтобы стоило замѣнять имъ обычное у русскихъ славистовъ названіе: «глухіе гласные». Для глухихъ гласныхъ приходится предполагать неполное образованіе, а, можетъ быть, и краткость бо́льшую, чѣмъ для остальныхъ краткихъ гласныхъ. **Ъ** и **ь** можно отождествлять съ русскими глухими изъ безударныхъ **а (о)**, **е (и)** въ начальныхъ слогахъ реченій: пъмага́ть, бьрегу́. Другіе, опредѣляя **ь** въ сущности такъ же (какъ ирраціональное **і**, склонное къ **е**), считаютъ **ъ** ирраціональнымъ **u**, склоннымъ къ **о**.

Неявственность данныхъ звуковъ выводится изъ того, что они то проясняются, то нѣмѣютъ, и, проясняясь, въ разныхъ языкахъ даютъ разные звуки.

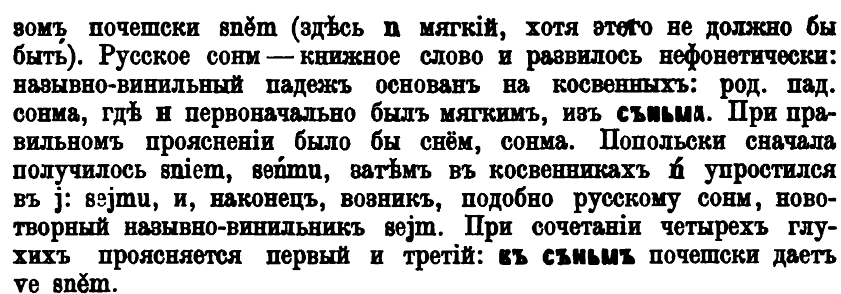
Уже въ праславянской рѣчи глухіе подъ конецъ переродились, будучи въ однихъ слогахъ ослаблены, а въ другихъ усилены. А именно, при сосѣдствѣ двухъ глухихъ слоговъ второй глухой звучалъ слабѣе перваго, и въ дальнѣйшемъ развитіи второй нѣмѣлъ, а первый прояснялся. Напр., староцерковное **гладъкъ** порусски дало гладок[1]). Это явленіе имѣетъ параллель въ области чистыхъ гласныхъ. По указанію Потебни, сильные глухіе получились такъ же, какъ и продленіе чистыхъ: напримѣръ, староцерк. **Богъ** дало постарочешски Bóh[2]), гдѣ продленіе **о** находится въ связи съ онѣмѣніемъ конечнаго **ъ**.

При появленіи въ сосѣднихъ слогахъ трехъ глухихъ усиливается и проясняется средній: староцерковное **съньмъ** даетъ такимъ обра-

---

[1]) Обыкновенное письмо, съ конечнымъ **ъ**, невѣрно изображаетъ отношеніе русскаго слова къ староцерковному.

[2]) Напомню здѣсь, что когда я, не прибѣгая къ построенію «праформъ», вывожу новославянскіе звуки и слова изъ староцерковныхъ, то всегда подразумѣвается оговорка, что, староцерковное положеніе дѣла есть вмѣстѣ съ тѣмъ и праславянское.

зомъ почешски sněm (здѣсь n мягкій, хотя этого не должно бы быть). Русское сонм — книжное слово и развилось нефонетически: назывно-винильный падежъ основанъ на косвенныхъ: род. пад. сонма, гдѣ н первоначально былъ мягкимъ, изъ съньма. При правильномъ поясненіи было бы снём, сонма. Попольски сначала получилось sniem, seńmu, затѣмъ въ косвенникахъ ń упростился въ j: sejmu, и, наконецъ, возникъ, подобно русскому сонм, новотворный назывно-винильникъ sejm. При сочетаніи четырехъ глухихъ проясняется первый и третій: въ съньмъ почешски даетъ ve sněm.

Вслѣдствіе двоякаго измѣненія глухихъ новославянскіе ихъ замѣнители оказались б ѣ г л ы м и, напр. зол, женск. р. зла, но гол — гола; силен — сильна, но усилен — усилена. (Первоначально: ѕълъ, ѕъла; голъ, гола; сильнъ, сильна; оусилıенъ, оусилıена).

Проясненіе ъ порусски даетъ о: сон (род. сна); посербски ъ даетъ а: сан, сна. Однако въ старѣйшихъ памятникахъ сербскаго языка глухіе не замѣняются буквою а, и только смѣшиваются, вслѣдствіе чего почти постоянно пишется ь. Эти начертанія надо объяснять тѣмъ, что первоначально у сербовъ не было проясненія (какъ нѣкогда и у русскихъ). Въ словенскомъ языкѣ прояснившійся ъ даетъ то а, то е, или иной разъ сохраняется, какъ глухой гласный, который можно обозначать черезъ ъ (словенцы пишутъ е). Колебаніе а и е основано, очевидно, на смѣшеніи нарѣчій. Такимъ образомъ староцерковное лъжа (общеславянское lъžь) пословенски звучитъ lâž и lêž, родникъ leží (lъží). Глухой звукъ является только въ положеніи безъ ударенія: pétъk, и могъ бы быть вторичнымъ ослабленіемъ возникшаго было е. Впрочемъ, въ областной рѣчи находимъ и ударяемый глухой, напр. въ словѣ zaprtъ̈k (болтунъ — пустое яйцо).

У болгаръ ъ сохраняется, хотя, быть можетъ, и не въ томъ видѣ, какъ въ староцерковномъ языкѣ. При какихъ-то условіяхъ этотъ ъ въ говорахъ даетъ а. Примѣры: сън, петък (сравн. сербское пéтак), вéтъх, вéтха, вéтхо. Македонская рѣчь знаетъ и проясненіе въ о: сон. Послѣднее отразилось въ нѣкоторыхъ староцерковныхъ памятникахъ.

У чеховъ и поляковъ ъ даетъ е: чешское и польское sen (попольски произношеніе болѣе твердое), чешское lež — ложь, род. lži, польское łeż, род. łży (у поляковъ это слово теперь неупотребительно). Еще отмѣтимъ pátek — пяток (пятница) у чеховъ и piątek у поляковъ. Въ сербо-лужицкомъ языкѣ находимъ двоякое проясненіе глухого — въ о и е: верхнелужицкое rož, род. rže, posoł, род. posła. Проясненіе въ е представляютъ zetkać, cyrkej,-kwje. Въ послѣднемъ словѣ е можетъ быть и вторичное, подъ вліяніемъ слѣдующей мягкости, срв. dejić — доить. Примѣры изъ нижнелужицкаго языка, гдѣ также бываетъ и о, и е: soń, posoł, zetkaś, rež (рожь, сравн. верхнелужицкое rož). Колебаніе между о и е вм. ъ

мы находимъ еще въ словацкомъ говорѣ чешскаго языка. Что касается проясненія **ъ** въ языкѣ полабскомъ, то тамъ дѣло не особенно ясно. Повидимому, **ъ** переходилъ въ звукъ средній между **а** и **о**: dázd — **дъждь**, dūbák — **дѫбъкъ** (деревцо); **ū** обозначаетъ **u** носовое.

Глухой **ь** во многихъ языкахъ совпалъ съ **ъ**. Въ русскомъ онъ далъ **е**, которое не разъ вторичнымъ образомъ перешло въ **'о**, а, онѣмѣвъ, оставилъ по себѣ мягкость. Эта мягкость можетъ устраняться позднѣйшимъ отвердѣніемъ. Примѣры: сохраненіе мягкости видимъ въ день, дня; мягкость и ёканье представляютъ слова лён, род. льну и пёс, но въ род. пса уже мягкость, вслѣдствіе уподобленія, исчезла. Таковы же купец, купца, козёл, козла, гдѣ **п**, **ц** и **з** первоначально всегда были мягки.

Въ видѣ мягкости, одной или передъ **е**, довольно хорошо сохраняетъ слѣдъ **ь** языкъ польскій: len, род. lnu; pies, но въ рóдникѣ psa мягкость, какъ и порусски, утрачена. Слово kupiec въ концѣ и въ группѣ pc (kupca) мягкости не имѣетъ. Какъ слѣдъ мягкости находимъ попольски шепелявый **r**: orzeł, но косвенники имѣютъ **r** твердый: orła; chrzest — крещеніе, род. chrztu. Слѣдъ мягкости, но въ нѣсколько затемненномъ видѣ, есть и въ сербо-лужицкомъ языкѣ: dzień, dnja; но pos, psa — съ утратой мягкости. У нижнихъ лужичанъ pjas съ мягкостью, но **е** тоже переродилось — въ **а**. Примѣры для болгарскаго языка: ден, лен, гладен, гладна, гладно, търгóвец, търгóвци. Въ болгарской орѳографіи конечные **ъ** и **ь** сохраняются, однако имѣютъ лишь этимологическое значеніе. Мы будемъ ихъ для фонетической ясности опускать.

Почешски глухіе почти совпали, и **ь**, когда нѣмѣетъ, не оставляетъ мягкости. Мягкость сохранилась, а, можетъ быть, развилась вторично изъ полумягкаго выговора, лишь при предшествующемъ **r**. Примѣры: pes, psa; hladen, hladna; den, dne; kupec, kupce; křest, křtu — крещеніе (сравнимъ польское chrzest, chrztu).

У сербовъ **ь** проясняется въ **а**, у словенцевъ — то въ **а**, то въ **е**; у послѣднихъ онъ является и въ видѣ глухого. Очевидно, что въ словенскомъ языкѣ, такъ же какъ въ сербскомъ, глухіе еще до проясненія совпали. Сербское пȁс, псȁ; крáсан, крáсна, крáсно; кŷпац, кŷпца. У словенцевъ слово **льнъ** колеблется по говорамъ: lân или lên, род. lъnû; bolân или bólъn; kúpъc, kúpca (въ областной рѣчи слышится и kupъ̀c).

Во избѣжаніе неудобныхъ сочетаній согласныхъ не разъ является вторичная постоянность: при староцерковномъ **чьсти** стоитъ русское чести, вмѣсто ожидаемаго чсти; сравнимъ чешское čest, род. cti; однако mech — mchu или mechu, какъ порусски мох — мху или моху.

Сербскій языкъ, особенно чувствительный къ неудобнымъ сочетаніямъ, всегда имѣетъ мȃх — мȃха; также чȃст — чȃсти, пȃњ — пáња (**пьнь**) и даже дȃн — дȃна, хотя у послѣдняго слова есть и архаич-

ный рбдникъ днё. Въ томъ же родѣ у словенцевъ: **mâh или mêh**, род. mъhû, čâst — čъstî, pánj — pánja. Даже польскій языкъ, допускающій очень затруднительныя группы, какъ cześć — czci, krew — krwi, drgnąć (**дрьгнѫти**), klnę (**кльнѫ**), представляетъ, подобно русскому крот-крота изъ **кръть-кръта**, — kret-kreta.

Въ языкахъ, знающихъ слоговые **r** и **l**, оказавшіеся въ неудобномъ сочетаніи **r** и **l** могутъ стать слоговыми: почешски krev-krve (встарь krve было односложнымъ), посербски крв-крви. У сербовъ здѣсь развившійся въ косвенникахъ слоговикъ перенесенъ и на форму **кръвь**, давшую первоначально крав. Также поступили чехи у слова **кръть**, звучащаго у нихъ krt (впрочемъ, въ областной, моравской, рѣчи — kret).

Съ этимъ явленіемъ почти тождественно возникновеніе въ сложныхъ группахъ (не только при **r** и **l**) вторичныхъ глухихъ, при чемъ иногда можно (но д. б. не слѣдуетъ) говорить о сохраненіи глухого. Таково болгарское пѣстър: **пьстръ** должно было дать пестр; въ корнѣ, видно, произошло сперва онѣмѣніе, какъ въ чешскомъ и польскомъ pstrý, pstry, а затѣмъ развился вторичный глухой; вторичный глухой развился и въ конечномъ слогѣ, какъ въ однородныхъ словахъ русскаго языка, гдѣ такой глухой на письмѣ не обозначается: добър, игър, смугъл и др. Впрочемъ, кое-гдѣ этотъ звукъ все-таки попалъ въ орѳографію: «стеколъ».

Вторичный глухой можетъ и проясниться, или же тутъ можетъ произойти вставка **о, е,** либо **а,** по примѣру бѣглости прояснившихся глухихъ; напримѣръ, попольски szkło стекло, мн. рбдникъ — szkieł. Это явленіе во всѣхъ славянскихъ языкахъ повторяется у одного слова **огнь**: русское огонь, болгарское бгън, сербское бган, польское ogień, чешское oheń, сравнимъ древне-индійское agní, литовское ugnìs, латинское ignis. Удареніе въ этомъ словѣ на вставочномъ звукѣ, конечно, развилось подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей. Припомнимъ также наше производное отъ основного **стькло** — стекбльщик.

Въ иныхъ случаяхъ, кажется, обязательно видѣть подражательную вставку. Таково русское остёр: **остръ** фонетически могло дать только остър или остор. Здѣсь, очевидно, сказалось вліяніе такихъ прикладковъ, какъ красен, свѣтел — **красьнъ, свѣтьлъ**. То же самое въ сербскомъ дȍбар: фонетически получилось бы не **ар,** а слоговой **р.**

Вернемся еще къ упомянутой уже вторичной постоянности. Особенно часто это явленіе находитъ себѣ мѣсто въ болгарскомъ языкѣ: лев, лéвове, вмѣсто лвове; пън — пень, пънёве рядомъ съ самородными фонемами сéленец — крестьянинъ, сéленци. (Однако въ косвенникѣ того́-зи сéленеца — этого крестьянина). У лужичанъ — son, sona.

Въ другихъ случаяхъ двойственность огласовки устраняется введеніемъ во всѣ формы безгласія. Въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ это составляетъ правило у окончаній **ъкъ** и **ьць**. У сер-

бовъ-лужичанъ и кашубовъ эти суффиксы постоянно являются въ безсложномъ видѣ. Староцерковныя **пьсъкъ**, ***пальць** посерболужицки звучать pěsk, palc, покашубски — piösk, palc. Одинъ случай безгласности суффикса есть въ польскомъ языкѣ: szewc, равное основному **шьвьць**, но почешски здѣсь правильно: švec, ševce. Порусски — обратное явленіе: жнец, жнеца, вмѣсто ожидаемаго (и не чуждаго областной рѣчи) женца. Порусски еще: пришелец, пришельца или пришлец, пришлеца (по самородному: пришлец, пришельца).

Бѣглость, развившаяся вмѣсто глухихъ, можетъ переноситься на слова съ **о** и **е** постоянными (исконными). Вторичная бѣглость встрѣчается сравнительно рѣдко. Впрочемъ, порусски есть цѣлый рядъ такихъ словъ — это нашевыя основы мужескаго рода, типа **камы**, **камене**: камень, камня, ремень, ремня и т. д. Бѣглое по аналогіи **е** встрѣчаемъ еще въ словахъ **ȥаяць, кладязь**: заец, зайца, колодец, колодца, гдѣ подставленъ другой суффиксъ, ец (**ьць**), чего; впрочемъ, орѳографія не признаѐтъ. Въ другихъ славянскихъ языкахъ находимъ лишь незначительныя соотвѣтствія: kámen, kamna у словенцевъ, областное зȁјац (обыкновенно зѐц изъ зȁје̑ц) у сербовъ. Порусски еще ров, рва; сравнимъ польское rów, rowu. У слова урок рóдникъ въ народной рѣчи является въ видѣ урка́; очевидно, **о** корневое понято въ смыслѣ суффикснаго (ок=**ъкъ**). Подобнымъ же образомъ и отъ потолок имѣемъ потолка, вмѣсто потолока (сравнимъ поговорку: «руки въ боки, глаза въ потолоки»).

Плавно-глухія созвучія.

Тѣмъ случаямъ, гдѣ въ староцерковномъ языкѣ глухія пишутся при плавныхъ, — въ другихъ славянскихъ языкахъ соотвѣтствуетъ своеобразная огласовка. Такъ, въ соотвѣтствіе староцерковному **тръгъ** мы ждали бы порусски трог, но находимъ торг. Это даетъ намъ право думать объ особомъ характерѣ глухихъ, если они стояли въ соединеніи съ плавными. По всей вѣроятности, здѣсь были **ъ** и **ь** особенно неполнаго образованія и особенной краткости, или — что почти то же самое — **р** и **л** слоговые. Слоговой **р** есть и теперь въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ, слоговой **л** встрѣчается рѣже. **R̥** и **l̥** надо предполагать двоякіе: твердые и полумягкіе, или же сочетанія **ър** и **ьр**, **ъл** и **ьл**, хотя, впрочемъ, въ иныхъ языкахъ замѣчается и совпаденіе. **Ъ** и **ь** при плавныхъ совпали въ сербскомъ языкѣ: кр̏чма, тр̑г[1]), ср́на, ср̑це (**кръчьма, тръгъ, срьна, срьдьце**). Встарину былъ у сербовъ и слоговой л — въ старѣйшихъ памятникахъ написаніе **ль** вполнѣ выдержано: **влькъ, тльсть**. При пере-

[1]) Здѣсь довольно вѣрно воспроизведено сербское округлое начертаніе циркумфлекса, которое у насъ для удобства печати обыкновенно замѣнено угловатымъ.

дачѣ сербскихъ именъ латинскими буквами замѣчаются явныя попытки выразить слоговой l: Vilkan, Velkan (Влкань), Stilbiza (Стлбица), — z, въ смыслѣ ц, по итальянскому способу.

Въ настоящее время слоговой л у сербовъ остался лишь кое-гдѣ на островахъ Адріатическаго моря, а большею частью потерпѣлъ вторичное измѣненіе и далъ у: вук — волкъ, пуст — полость (плъсть значитъ войлокъ), дуг — староцерковное длъгъ. Итакъ, въ этихъ сочетаніяхъ глухой не замѣняется черезъ а, что̀ и представляетъ слѣдъ слоговости плавнаго. У словенцевъ тоже имѣется r̥, и также безъ различенія твердости или полумягкости: krčma, trg, srcé.

L̥ у словенцевъ нѣтъ, но есть особая огласовка, черезъ o: volk, dolg, сходная съ русскою. L здѣсь звучитъ, какъ неслоговое у, и получается дифтонгъ. Миклошичъ и Кочубинскій то же ou предполагали и у сербовъ, какъ переходную ступень, но Ягичъ вѣско возражаетъ имъ, что у, вмѣсто l̥, есть не только сербская, но и хорватская черта, а l переходитъ въ о (притомъ въ о, а не въ у) только у сербовъ, но не у хорватовъ: дао (элевое причастіе: далъ), сеоце (сельце), похорватски dal, selce, и что, какъ переходная орѳографія, не встрѣчается оу, а встрѣчается уо: вуокъ.

Слоговые r и l оба существуютъ у чеховъ: trh, srdce, srna, vlk, plst. Вторичнымъ образомъ находимъ иногда и обычное вмѣсто глухихъ e, а именно послѣ щипящихъ: černý, старочешское črný.

Вторичное явленіе при r̥, а также при l̥ есть и въ болгарскомъ языкѣ, и тоже послѣ шипящихъ; въ говорахъ находимъ слоговые р, л, а обыкновенно имѣются слоги съ полными глухими: вълк, кърчма, търг съ ъ, черн, желт. У болгаръ глухіе могутъ стоять и послѣ плавныхъ, что̀ обыкновенно связано со свойствомъ слоговъ, именно, послѣдочная огласовка замѣчается передъ двумя или нѣсколькими согласными: мѣрдаш (трогаешь), но мрѣднеш; мълчйш, но млѣкнеш.

Многочисленные слѣды своеобразности плавно-глухой огласовки находимъ въ польскомъ языкѣ, несмотря на то, что тамъ нѣтъ слоговыхъ согласныхъ. R̥ попольски даетъ ar передъ твердыми зубными (въ томъ числѣ и свистящіе и твердый эль — ł). Въ этихъ случаяхъ старый r̥ полумягкій (у поляковъ прямо мягкій) совпалъ съ твердымъ. Примѣры: targ, karczma, gardło (гръло), twardy (тврьдъ), sarna (срьна), umarły (оумрьлын). Когда же за мягкимъ r̥ слѣдовали согласные задненебные или губные, то получилась огласовка ie: wierzba, wierzch. Надо еще замѣтить, что шепелявый r является не всегда, напримѣръ, sierp. Въ языкѣ старопольскомъ было i, которое подъ вліяніемъ r перешло въ e: wirzch (ср. umierać вмѣсто стариннаго umirać, ser вмѣсто syr). При l̥ находимъ также своеобразную замѣну глухого: является łu: tłusty, długi,

tłukę; въ другихъ случаяхъ il: wilk, pilść (плъсть, войлокъ). Послѣ шипящихъ—oł и вторичное ół: żółty, czółno. Иногда по-польски встрѣчается и обычная замѣна: pełny, wełna (шерсть), chełm (холмъ). Огласовки, въ родѣ какъ у поляковъ, находимъ у нижнихъ лужичанъ: twardy, carny, dłujki.

У верхнихъ лужичанъ и русскихъ здѣсь совпаденіе съ обыкновенными глухими слогами: połny, porst, pjeršćeń (перстень); у иныхъ словъ можно отмѣтить мягкость r: wjeŕch. То же и порусски, хотя тамъ на письмѣ мягкій р обозначался только въ старину: церьковь, четверьгъ, верьба, верькало (но и верба, зеркало). Древніе русскіе писцы не разъ, вмѣсто одного глухого, пишутъ два: вълъкъ, что можно объяснить какъ сдѣлку между вълкъ и вълкъ; точно такъ же и търъгъ, сьрьдьце, вьрьхъ, жьлътъ. Сравнимъ однако современныя сѣверновеликорусскія фонемы — столоб, верёх и еще обычное верёвка=вързвъка, вмѣсто стрцрк. *врьвъка, которыя заставляютъ предполагать, что здѣсь развивались вторичные глухіе, а послѣ переходили въ чистые. Впрочемъ, такое явленіе наблюдается лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, большею же частью постановка двухъ глухихъ есть, должно быть, только орѳографическій пріемъ. Притомъ русскіе писцы, видимо, сознавали, что второй глухой неравноправенъ первому, и потому тотъ, но не этотъ, охотно замѣняли паеркомъ: вълкъ, търгъ и т. п. Іоганнъ Шмидтъ довольно заманчиво объяснялъ мягкость р изъ глухого полногласія и изъ него же выводилъ появленіе гласнаго то позади плавнаго, то спереди, при чемъ относилъ развитіе полногласія къ праславянской порѣ, для чего, однако, нѣтъ достаточныхъ основаній.

Звукъ «ѣ».

Въ настоящее время особаго звука ѣ не существуетъ, но, очевидно, онъ нѣкогда былъ въ староцерковномъ: иначе не стали бы изобрѣтать особаго знака. Слѣды ѣ ясно видны въ новославянскихъ языкахъ; слѣдовательно, этотъ звукъ былъ и въ праславянской рѣчи. Порусски есть школьное правило: ѣ никогда не читается за ё (кромѣ, впрочемъ, нѣкоторыхъ случаевъ), чему соотвѣтствуетъ звуковое явленіе, что звукъ е (или древній, или изъ ь) подъ удареніемъ передъ твердымъ согласнымъ расширился въ ё (о съ предшествующей мягкостью), тогда какъ ѣ здѣсь звучитъ, какъ е широкое: ёлка, но бѣлка; мёд, но дѣд; пёс, но лѣс и т. п. Лишь передъ мягкимъ звукомъ ѣ совпалъ съ древнимъ е въ одномъ звукѣ — е узкомъ (склонномъ къ і, а не къ а). Напр., глагольная форма «одѣнь» и сочетаніе «а день» звучатъ одинаково: адеń. Еще ѣ звучитъ какъ узкое е, хотя находится и передъ твердостью, въ нѣкоторыхъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ: «мера».

Слѣдъ ѣ есть въ малорусскомъ нарѣчіи, въ видѣ і: міра, діло, а въ корницкомъ говорѣ Сѣдлецкой губерніи ѣ звучитъ, какъ іе[1]): свіет, біелый. И въ обще-русскомъ языкѣ ѣ былъ какимъ-то дифтонгомъ іе, переходившимъ впослѣдствіи въ і и въ е.

Въ серболужицкомъ языкѣ ѣ тоже звучитъ какъ іе: swět; іе находимъ и въ южномъ говорѣ сербскаго языка: свиjет, биjели. При краткости тоже имѣется не просто е, а jе: мjера, дjед (или, со вторичнымъ смягченіемъ, ђед). Въ западномъ говорѣ сербскаго языка ѣ является въ видѣ и, а въ восточномъ — е.

У словенцевъ ѣ совпалъ съ е, но діалектически есть ej: dêlo, dejlo.

Одинаковая замѣна ѣ, именно ’а, является у болгаръ и поляковъ, хотя развивалось, конечно, самостоятельно. У болгаръ такой выговоръ ѣ имѣетъ мѣсто подъ удареніемъ, передъ слѣдующей твердостью: мѣра, брѣг и т. п. У поляковъ расширеніе ѣ въ ’а обусловливается положеніемъ передъ твердыми зубными и r: lato, gniady, las, gniazdo, siano, biały, miara; но chleb, wiek, такъ какъ здѣсь губной и задненебный.

Слѣды ѣ есть и въ чешскомъ языкѣ, который можно въ этомъ отношеніи сопоставить съ серболужицкимъ языкомъ и съ южнымъ говоромъ сербскаго. Здѣсь тоже было іе — донынѣ сохраняемое въ словацкомъ нарѣчіи: miera, biely, но у самихъ чеховъ перешедшее въ í: míra, bílý. Въ другихъ случаяхъ почешски, вм. древняго ѣ, является ’е: něžný, věděti.

Исторія носовыхъ гласныхъ.

Для праславянскаго языка мы должны предполагать носовые гласные ǫ и ę; были они и въ языкѣ староцерковномъ (ѫ, ѧ). О носовомъ характерѣ этихъ гласныхъ свидѣтельствуютъ такія чередованія звуковъ, какъ мѧти-мьнѫ, жѧти-жьмѫ; плѣмѧ-племене. Свидѣтельствуетъ о немъ и соотвѣтствіе въ родственныхъ языкахъ слоговъ съ носовыми согласными, какъ греч. *πέντε* при слав. пѧть, литовск. ranká при славян. рѫка. О томъ же говоритъ такое же соотвѣтствіе при передачѣ славянами иностранныхъ словъ и славянскихъ словъ иностранцами, напр. Лѫгинъ изъ Longinus, сєптѧбрь изъ *Σεπτέμβριος*, September; мадьярское dorong=дрѫгъ (шестъ), gerenda=грѧда; готское plinsjan=плѧсати. Носовые гласные сохранились теперь въ польскомъ языкѣ и въ его кашубскомъ нарѣчіи. У поляковъ õ, ẽ, также и ã (послѣднее есть въ областной рѣчи, а въ древнѣйшую пору чуть ли не господствовало исключительно): sąd (судъ)[2]),

[1]) Іе — дифтонгъ, съ преобладаніемъ (ударяемостью) перваго элемента.

[2]) Знакъ ą съ крючкомъ читается, какъ носовое о (a взято здѣсь въ смыслѣ a, склоннаго къ о).

sędzia (судья); ręka, rączka; męka — му́ка, mąka — мука́. Носовые были и въ полабской рѣчи. Шлейхеръ въ своей полабской грамматикѣ обозначаетъ ихъ черезъ ã и õ (знакъ ˜ взятъ Шлейхеромъ изъ португальскаго письма). Впрочемъ, записи указываютъ скорѣе не на õ, а на ũ. Примѣры: dũb, skũpy, rũka, eidã (идѫ), bũdãca (бѫдѫщта).

Слѣды носовыхъ гласныхъ есть у болгаръ — въ македонскихъ говорахъ: мъндър (мѫдръ), рендове (ряды), но ед. ч. — ред. Очень странно, что носовой выговоръ встрѣчается лишь въ единичныхъ случаяхъ, и не видно, при какихъ условіяхъ.

Въ большинствѣ славянскихъ языковъ носовые гласные утрачены. У русскихъ, сербовъ, чеховъ и лужичанъ ѫ перешелъ въ u: русск. рука, сербск. ру̑ка, чешск. ruka, лужицк. ruka. У чеховъ ů впослѣдствіи дало дифтонгъ ou: súd, нынѣ soud, — судъ, но sudí — судья. У словенцевъ утрачена лишь пригнуска, а гласный элементъ о приблизительно сохранился: róka, sôd. Въ болгарскомъ языкѣ ѫ далъ глухой гласный, совпавшій съ ъ: съд=сѫдъ, ръ́ка или ръка́ (удареніе въ этомъ словѣ колеблется). Въ областной болгарской рѣчи ъ изъ ѫ можетъ обращаться въ а или же въ о, какъ и древній ъ.

Въ соотвѣтствіе староцерковному звуку ѧ всѣ южные славяне сохраняютъ гласный элементъ въ видѣ е: сербск. пѐт, jѐзик; болгарск. петь (ь для произношенія не имѣетъ значенія, какъ было указано выше), език; словенск. pet, jezik.

Порусски ѧ далъ а съ предшествующей мягкостью: мясо, сяду. У чеховъ и верхнихъ лужичанъ ѧ соотвѣтствуетъ тоже ’a: чешск. kot’ata, лужицк. pjaty (сравн. чешск. pátý). Почешски ’a часто сбивается на е, а именно черезъ «суженіе»: kotě, pět и т. д., а если оно долгое, то черезъ é переходитъ въ í: příze, староцерк. прѧжда. У верхнихъ лужичанъ ’a изъ ѧ вторичнымъ образомъ переходитъ въ е въ положеніи между двумя мягкостями: pjeć рядомъ съ pjaty. У нижнихъ лужичанъ е въ качествѣ замѣнителя ѧ господствуетъ: pjeś, pjety.

Польскій языкъ не различаетъ по гласному элементу ѫ и ѧ, но при гласномъ, произошедшемъ изъ стараго ѧ, умягчаетъ предшествующій согласный: pięć — пять, piąty; сравнимъ pęta=пѧта, пятка, сопоставимъ еще sąd и siądę (сѧдѫ). Въ старопольскомъ письмѣ носовые обозначались безразлично черезъ о либо а перечеркнутыя вдоль, что указываетъ на ихъ первоначальное различіе не качественное, а количественное, т.-е. были ă краткое и ā долгое. Первое впослѣдствіи дало ę, второе — ą. Такимъ образомъ, колебаніе между ą, ę восходитъ къ болѣе раннему колебанію между долготой и краткостью, находящему себѣ соотвѣтствіе въ чешскомъ: pięć — pět, piąty — pátý. Въ полабской рѣчи находимъ подобное же чередованіе ã и ũ: mięso — mãsũ; zięć — zãt; pięć — pãt; piąty — pũty; pląsać — plũsat плясать.

Какъ болгарскій языкъ, утратившій теперь носовые гласные, имѣлъ ихъ встарину (языкъ староцерковный), такъ могли ихъ имѣть и другіе. Въ русскомъ языкѣ въ старѣйшую эпоху носовые гласные продолжали сохраняться. Алексѣй Ив. Соболевскій указываетъ на такія слова, какъ варяг, соотвѣтствующее скандинавскому **váringr**. Кстати замѣтить, что удареніе намъ слѣдовало бы ставить не на послѣднемъ слогѣ, а на первомъ, такъ какъ иначе было бы **варѧгъ** (ср. сотона, греческ. *σατανᾶς*). Замѣна скандинавскаго **in** непосредственно черезъ **я** немыслима и понятна только при предположеніи, что въ русскомъ языкѣ были носовые гласные, и, слѣдовательно, замѣна **in** черезъ **я** вышла при посредствѣ носового **е**.

Въ томъ же смыслѣ свидѣтельствуетъ литовское названіе поляковъ lenkas, вышедшее, очевидно, изъ русскаго лях, когда оно звучало еще **лѧхъ**.

Рядомъ съ носовымъ **е**, надо думать, имѣлось и носовое **о**, перешедшее затѣмъ въ носовое, а далѣе въ чистое **у**, хотя ссылка Соболевскаго на слово **соүдъ**, какъ старинное названіе Золотого рога (цареградскаго залива), вышедшее изъ скандинавскаго sund, не убѣдительна, такъ-какъ тамъ уже былъ звукъ **у**, и **н** могъ быть просто опущенъ. Нѣсколько убѣдительнѣй названіе угрорусскаго города Мукачева, звучащее помадьярски Мункач.

Подобнымъ же образомъ о существованіи носовыхъ у сербовъ свидѣтельствуетъ византійская передача имени Мутимиръ въ видѣ *Μουντίμηρος*.

Для чешскаго языка можно сослаться на нѣмецкій выговоръ имени Вячеславъ — Wenzel, при чешскомъ Václav, предполагающемъ въ виду этого болѣе раннее Vęcław. Возникаетъ, правда, вопросъ: не поляки ли здѣсь были посредниками? Но у нихъ это имя не было ходовымъ и вошло въ моду лишь подъ чешскимъ вліяніемъ, въ видѣ Wacław, а не Więcław. Итакъ, надо думать, что имя Wenzel взято у чеховъ, и что они когда-то имѣли носовое **е**.

Звукъ «ы».

Въ староцерковномъ и праславянскомъ языкахъ звукъ **ы**, надо думать, былъ болѣе или менѣе одинаковъ съ теперешнимъ русскимъ звукомъ **ы**, но новые славянскіе языки значительно отъ него уклонились. Наиболѣе консервативенъ языкъ русскій (въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и бѣлорусскомъ), но и тутъ мы, вмѣсто группъ **гы**, **кы**, **хы**, имѣемъ ги, ки, хи; а, съ другой стороны, близко къ **ы** звучитъ древнее **и** въ слогахъ жи, ши, ци (послѣ **ц** мы даже пишемъ **ы**). Имѣется звукъ **ы** еще у сербовъ-лужичанъ; у поляковъ **ы** нѣсколько приблизилось къ **и**: сербо-лужицк. jazyk, byk, ryba, польск. język, byk, ryba. Звукъ **ы** строго выдерживался, даже

въ сочетаніяхъ ky, hy, chy, въ старочешскомъ (срав. польск. chy: muchy, гдѣ имѣется нѣчто среднее между ы и и). Въ новочешской рѣчи разница между ы и и сохраняется при мгновенныхъ зубныхъ. Различіе въ произношеніи удобно наблюдать въ называномъ и винильномъ падежахъ множнаго числа ероваго склоненія: studenti, studenty; hadi змѣи, hady; páni—pány. Здѣсь имѣется то узкое, умягчительное i, то болѣе широкое, похожее на малорусское и. Въ чешской народной рѣчи звукъ ы долгій измѣнился въ дифтонгъ ej, который лѣтъ 30—35 тому назадъ существовалъ и въ чешскомъ литературномъ языкѣ: býk, krýti могутъ звучать bejk, krejti. У южныхъ славянъ ы и и совпали и даже орѳографически не различаются.

Древнее различіе звуковъ ы и и, и въ тѣхъ случаяхъ, когда стерлось, иногда проявляется на согласныхъ: такъ почешски винильникъ vojáky (voják — солдатъ) имѣетъ то же i, какъ называникъ vojáci, но первоначальные звуки сказываются въ смягченіи или въ отсутствіи его.

Звукъ *е* и расширеніе его въ *о*.

Это видоизмѣненіе звука е наблюдается въ языкахъ русскомъ, польскомъ и сербо-лужицкомъ, причемъ условія неодинаковы. Порусски, а именно повеликорусски, расширеніе происходитъ обыкновенно передъ твердостью, подъ удареніемъ, въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ — и безъ ударенія (сёлó, бýдёт); помалорусски — послѣ шипящихъ (жовтий, шовк). Отсутствіе расширенія, гдѣ его слѣдовало бы ожидать, представляютъ нѣкоторыя книжныя слова, напр. крест, и слова съ позднѣйшимъ отвердѣніемъ, какъ отец изъ отьць. Въ иныхъ случаяхъ имѣемъ дѣло со мнимыми исключеніями, напр. въ словѣ мелкій орѳографія ошибочно представляетъ написаніе е, здѣсь былъ ѣ — сравн. староцерк. мѣлъкъ, польское miałki. Появленье расширенія передъ мягкимъ согласнымъ объясняется вліяніемъ однѣхъ формъ на другія, напр. берёзѣ, гдѣ ё подъ вліяніемъ большинства падежей; можно отмѣтить, что производная отъ этого имени фамилія звучитъ правильно: Березин, а не Берёзин. Попольски ёканье бываетъ передъ твердыми зубными: t, d, s, z, n, ł, r: plotę, но pleciesz; wiodę, но wiedziesz; żona, sioło. Надо замѣтить, что попольски расширяется лишь е древнее, а е, происшедшее изъ ь, остается безъ измѣненія: pies, len, при русскихъ пёс, лён. Есть нѣкоторые случаи и вторичнаго расширенія: poziom почва, меньшильница къ dzień — dzionek, na lodzie на льду (въ этомъ случаѣ порусски вторичная бѣглость) — въ старопольскомъ было na ledzie. И упомянутая выше фонема żona имѣетъ давальникъ żonie, но въ старопольскомъ — żenie.

Въ серболужицкомъ языкѣ условія ёканья не очень ясны. Въ верхнелужицк. jezor (срав. польск. jezioro), pos песъ, sotra сестра (польск. siostra), šoł шелъ, wječor, ćopły, lód, но len, mědk (польск. miodek). У нижнихъ лужичанъ также есть ёканье и, кромѣ того, вторичный переходъ е въ 'а при какихъ-то невыясненныхъ условіяхъ (сравн. русск. рязанск. тяпло́). Примѣры: jazor, sotša, wjacor, śopły (теплый), mjod.

Количество гласныхъ.

Многія измѣненія гласныхъ въ славянскихъ языкахъ находятся въ связи съ древнимъ количествомъ. Смотря по тому, долгими или краткими гласные были въ праязыкѣ, унаслѣдованы они славянскими языками въ томъ или иномъ видѣ. Такъ а, і восходятъ къ праязычнымъ ā, ō, ei, ī; далѣе всегда долги звуки у, ѣ, восходящіе первый къ ou, eu, au, второй къ ē, oi, ai. Долги и ы, произошедшіе изъ ū. Гласные о, е, ъ, ь образовались изъ ŏ, ĕ, ŭ, ĭ и потому были кратки. Для глухихъ, какъ отмѣчено уже ранѣе, надо предположить особенно значительную краткость.

Когда звуки а, и, ѣ, ы и у бываютъ кратки, напр. почешски sad, milý, věděti, ryba, ucho, надо говорить о позднѣйшемъ сокращеніи.

Къ теоретическому соображенію, что въ древнѣйшую пору естественно должно было сохраняться праязычное количество, присоединяется наблюденіе надъ плавночистыми созвучіями, гдѣ звукамъ а и ѣ очевидно приходится приписать долготу. Эта долгота сокращалась у сербовъ при подъемномъ (восходящемъ) удареніи, у чеховъ же — при спускномъ (нисходящемъ): гра̑д, hrad, русск. го́род; бре̑г (бри̏јег), břeh, русск. бе́рег. Обратный случай представляетъ слово vrána, вра̏на, русск. ворб́на, гдѣ у сербовъ имѣемъ краткость, а у чеховъ долготу. Еще примѣръ: сербск. мље̏ти, чешск. mlíti, русск. моло́ть. Правило такое: если полногласныя формы порусски имѣютъ удареніе на первой части, то посербски видимъ долготу при нисходящемъ удареніи, а почешски краткость; если же порусски удареніе на второмъ элементѣ полногласія, то посербски имѣемъ краткость, почешски — долготу. При такомъ взглядѣ на праславянскую долготу становится понятнымъ и противорѣчіе между чешскимъ lípa и сербскимъ ли̏па — какъ праславянскую форму строимъ *ли́па; объясняется также обратное соотношеніе количества у слова садъ, звучащаго почешски sad, а посербски са̑д — попраславянски было са̑дъ.

Нельзя однако сказать, чтобы подобное противорѣчіе проходило по всѣмъ случаямъ: есть напр. сербск. де̏д и чешск. děd.

Долги были попраславянски также и гласные носовые, хотя бы гласный элементъ ихъ не былъ исконною долготой: вѣдь ѫ и ѧ вышли

изъ ān, ām, ēn, ēm, ōn, ōm, ĕn, ĕm, ņ и m̥. Сохраненіе долготы или сокращеніе, по обычному способу, и здѣсь повело къ такимъ противорѣчіямъ, какъ сербск. пêт и чешск. pět, и наоборотъ: сербск. прȅсти, чешск. příst і. Сравнимъ еще чешск. sud бочка, при сербск. сȕд, родн. сӯда; чешск. dub, dubu, польск. dąb, dębu, сербск. дȗб, дȗба. Въ послѣднемъ примѣрѣ расходятся (какъ не разъ) также чехи съ поляками — насчетъ односложной формы, представляющей у послѣднихъ слѣдъ долготы. Надо думать, что долгота въ такихъ случаяхъ была усиленная, и потому при сокращеніи не превратилась въ краткость; чешская же краткость — подражательная, плодъ примѣненія къ другимъ падежамъ. Усиленная (двойная или полуторная) долгота возникала въ такомъ же положеніи, въ коемъ протягивалась первоначальная краткость.

Удлиненіе гласнаго происходило въ томъ случаѣ, если въ слѣдующемъ слогѣ былъ глухой, который утрачивался, при чемъ первый слогъ дѣлался замкнутымъ (закрытымъ). Сравнимъ возникновеніе глухихъ сильныхъ и слабыхъ и ихъ дальнѣйшее поясненіе и онѣмѣніе.

Особенно часто замѣчается продленіе звука **о**: малорусск. піп (восходитъ къ пōп), род. попá; сербск. Бôг, род. Бȍга; дôм, дȍма; чешск. Bůh, Boha: въ старочешскомъ было Bóh, а потомъ переходная фонема Buoh; у верхнихъ лужичанъ — Buoh[1]) (пишется ó), род. Boha; помалорусски Біг встрѣчается лишь въ областной рѣчи, а обыкновенно это слово звучитъ Бог — очевидно, оно находится подъ охраной церковнаго употребленія; кромѣ того, говорится спасúбі (изъ «спаси Богъ»). Отсутствіе измѣненія **о** въ замкнутомъ слогѣ иной разъ бываетъ связано съ качествомъ послѣдующаго согласнаго. У поляковъ сжатіе или наклонъ (ściśnienie, pochylenie) обыкновенно наблюдается лишь передъ голосовыми (звонкими) согласными; то же правило въ большинствѣ случаевъ соблюдаютъ и чехи. Есть однако и такіе случаи, какъ чешское rusti.

Теперь является вопросъ: какъ слѣдуетъ формуловать законъ продленія? Возникало ли продленіе только передъ голосовыми и являлось передъ безголосными лишь подражательнымъ путемъ, или же оно имѣло мѣсто передъ всякими согласными, но, какъ предположилъ Бодуэнъ-де-Куртенэ, въ какомъ-нибудь most было устранено примѣнительно къ другимъ падежамъ, чего не сдѣлали въ Bóg, Boga, потому что тамъ, вслѣдствіе перехода конечнаго голосового въ безголосный, все равно не получалось полной гармоніи падежей? Въ иныхъ случаяхъ несомнѣнно имѣются подражательныя измѣненія. Напр., чешск. strom дерево должно бы звучать strům, stromu, а въ меньшильномъ видѣ — stromek, strůmku, но аналогія породила выговоръ strom и двоякій выговоръ stromek, stromku и strůmek, strůmku. Помалорусски, напр., слово кізочка

[1]) Uo — своеобразный дифтонгъ, съ преобладаніемъ перваго элемента.

получилось подъ вліяніемъ аналогіи съ кіzка, и о уцѣлѣло лишь въ первичномъ козá. Фонетически правильно: чеш. lože, но lůžko, польск. łoże, łóżko.

Продленію подвергается и звукъ е, но этотъ законъ часто нарушается: помалорусски лід, лéду; посербски лȇд, лȅда (въ великорусской рѣчи это слово имѣетъ вторичную бѣглость); у поляковъ: piérze (изъ перье, перие); верхнелужиц. mědk медъ (этимологически: медокъ) рядомъ съ меньшильницей mjedźik, что порусски было бы «мёдикъ».

О вторичномъ продленіи сократившагося а въ замкнутомъ слогѣ можно говорить въ сербск. слȁма, но слȃмка (сламъка), гдѣ однако м. б. издавна восходящее удареніе мѣнялось на нисходящее и, слѣдовательно, долгота уцѣлѣла отъ древности. У поляковъ соотвѣтственное сжатіе а встрѣчается довольно часто, встарину и въ народной рѣчи, напр. szklánka, piekárz. Долгота, если она поздняго происхожденія, не сокращается, — такова также долгота изъ стяженія: znász, но znają; złá злая. Изъ польскаго закона расширенія лишь передъ звонкими согласными есть рядъ исключеній: ręka — rąk; cielęta — cieląt, гдѣ продленія не должно бы быть, да и аналогіей его объяснить трудно. Иныя неправильности въ области количества, какъ мы отчасти уже видѣли, легко объясняются. Отмѣтимъ еще чешск. ruka, польск. ręka, гдѣ при восходящемъ (вторичномъ, оттянутомъ) ударенiи долгота должна была уцѣлѣть, такъ же какъ въ сербск. рýка, но, видно, сказалось вліяніе падежа винильнаго, съ удареніемъ нисходящимъ (посербски рȗку).

Удареніе.

По качеству, большинство славянскихъ языковъ имѣетъ удареніе выдыхательное («экспираторное»), иначе говоря — усилительное; только у сербо-хорватовъ, и въ меньшей мѣрѣ у словенцевъ, удареніе — усилительно-повышальное («музыкальное»), сопряженное съ повышеніемъ и пониженіемъ голоса. Посербски въ ударяемомъ гласномъ то первая часть, то вторая, бываетъ музыкально выше, такъ что получаются ударенія «восходящее», или «подъемное», и «нисходящее», или «спускное». Различеніе при этомъ долготы и краткости создаетъ 4 вида ударенія: долготно-подъемное («восходящее» по преимуществу), обозначаемое на письмѣ акутомъ: глáва, долготно-спускное («нисходящее» по преимуществу), обозначаемое циркумфлексомъ, обыкновенно закругленнымъ: прȃвда, краткостно-подъемное (называемое, со значительнымъ преувеличеніемъ, «слабымъ»), обозначаемое грависомъ: мàгла, и краткостно-спускное (называемое «рѣзкимъ»): слȁма.

По мѣсту, мы видимъ акцентовки «одномѣстныя» и «разномѣстныя». Одномѣстность свойственна западнымъ славянамъ (съ исключеніемъ,

впрочемъ, полабцевъ и большинства кашубовъ); а именно удареніе прикрѣплено у чеховъ и у лужичанъ къ начальному слогу, напр. почешски: vòda, kòpyto, zůstati (остаться — *изостати), zèlený, přiložiti, sèberete; или — къ предпослѣднему (второму съ конца): у поляковъ, напр. wòda, łaskàwy, zòstać, przyłożyć съ прошедшимъ временемъ przyłòżył-przyłożýła, krzèmień съ роднымъ падежомъ krzemiènia и дат. krzemieniòwi.

«Разномѣстность» всего сильнѣе развита въ языкѣ русскомъ, съ коимъ насчетъ мѣста ударенія сходятся приморскіе хорваты (хорваты-ча́кавцы). Значительно однообразнѣе разстановка удареній у болгаръ и у словенцевъ, которые, особенное послѣдніе, чаще всего акцентуютъ предпослѣдній слогъ. Противъ русскаго мы не разъ находимъ «оттяжку», напр. се́ло, sêlo, или же, напротивъ того — «выдвижку», какъ поболгарски градъ̀т, кръвта̀, гдѣ удареніе оказалось на членѣ, пословенски: Bôg, род. Bogâ.

Послѣдовательную оттяжку представляетъ сербскій языкъ («штокавскаго» нарѣчія), гдѣ удареніе всегда на одинъ слогъ ближе къ началу, чѣмъ порусски, напр. вòда, сѐло, кòпито, нòсити, зѐлени̂, пи́сати, кòла̂ч съ род. п. кола́ча. Оттянутое удареніе еще тяготѣетъ къ слѣдующему слогу, будучи подъемнымъ (восходящимъ). Спускное же удареніе, т.-е. собственно-нисходящее и рѣзкое, является лишь въ тѣхъ словахъ, гдѣ ударенію, падавшему издавна на первый слогъ, некуда было идти, напр. пра̂вда, су̑нце, ȍлово, jȅзеро, сла̑ма, ли̑па [1]).

Подобную же оттяжку, какъ въ сербскомъ языкѣ, надо предположить въ чешскомъ и въ лужицкомъ: оказавшись вслѣдствіе ея въ большинствѣ случаевъ на первомъ слогѣ, удареніе, утративъ предварительно качественные оттѣнки, было совсѣмъ закрѣплено за этимъ слогомъ. Подобное же обобщеніе, послѣ менѣе послѣдовательной оттяжки, сходной со словенскою, произвели (надо полагать) поляки. Пожалуй, можно сослаться и на тó, что, при многочисленности двусложныхъ словъ и трехсложныхъ съ удареніемъ на концѣ, ударяемый послѣ оттяжки слогъ очень часто съ конца былъ вторымъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что праславянамъ мы приписываемъ (на чтó намекалось уже выше) акцентовку музыкальную и разномѣстную: сходную, въ общихъ чертахъ, съ сербскою по качеству акцента, съ русскою — по мѣсту.

Плавно-чистыя созвучія.

Въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ большинство славянъ имѣютъ **а** или **ѣ** позади плавнаго (вмѣсто **ѣ**, конечно, обыкновенно позднѣйшія отраженія этого звука): староцерк. **градъ**, болг. град, сербск. гра̑д, слов. grad, чешск. hrad; **глава**, болг. глава́, сербск.

---

[1]) Въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ, согласно уже сказанному выше (стр. 18), рѣзкое удареніе замѣнило древнее восходящее.

глáва, слов. gláva, чешск. hlava; **брѣгъ**, болг. брѣгъ = бряк сербск. бриjег, брûг, брêг, слов. breg, чешск. břeh[1]); **млѣко**, болг. млѣко (млекó или мляку), сербск. млиjéко, мли́ко, млéко, слов. mléko, чешск. mléko; **плѣти** — полоть, сербск. плѣти, пли̂ти, плѐти, чешск. plíti. Но порусски здѣсь полногласіе, а попольски и сербо-лужицки ro, ło, re, le: польск. gród, род. grodu — замокъ; нижне-луж. grod; верхне-луж. hród; польск., сербо-луж. broda, młody. Попольски бываетъ здѣсь ёканье: brzoza — береза, wrzód (чирей — вередъ), род. wrzodu, что̀ и свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь основной звукъ **е**, а не **ѣ**. Сжатіе въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ, вѣроятно, лишь плодъ подражанія такимъ словамъ, какъ Bóg. Относительно сжатія вторичнаго, ёкальскаго, **о**, даже рѣшительно можно сказать, что при раннемъ продленіи и чисто звуковомъ развитіи получилось бы не wrzód, а * wrzéd. Можетъ-быть wrzód, да и miód, возникли путемъ сдѣлки нѣкогда имѣвшихся wrzéd и miéd съ остальными падежами: wrzodu, miodu и т. д., при чемъ, какъ средній звукъ между ē и ŏ, получилось ō. Польскій примѣръ на сочетаніе съ l: plon — **плѣнъ**, полонъ, т.-е. добыча (чаще мирная добыча земледѣльца — урожай). Если слѣдующій за **е** согласный — губной или задненебный, то попольски не видно, какой при немъ былъ первоначальный звукъ, напр. trzewa, brzeg; но надо предполагать, что и тогда былъ не **ѣ**, а **е**. У сербовъ-лужичанъ находимъ re, le съ ёканьемъ: верхне-лужицк. brjoh, род. brjoha; нижне-луж. drjovo — это **о** восходитъ къ древнему **е**, а не къ **ѣ**. Однако на **ѣ** указываютъ верхнелуж. brěza, сравн. чешск. bříza. Впрочемъ ě м. б. изъ **е** долгаго. Особое положеніе занимаютъ кашубы и полабскіе славяне: у нихъ при звукѣ **r** гласный стоитъ впереди: кашубск. parsă, польск. prosię — порося. Такую же постановку представляютъ и неславянскіе языки, сравн. литовск. paȓšas — овчарня. Примѣры изъ полабскаго языка: porsă, korvó — корова, vornó — ворона, goȓd — городъ. Полабское **о** предполагаетъ болѣе раннее **а**, давшее **о** подъ удареніемъ и въ предударныхъ слогахъ: korvó равно болѣе раннему * karva, причемъ, повидимому, оба **а** были долгими. Сравн. польское (старинное и народное) сжатіе **а**, напримѣръ, pán, pon, вм. pan. При звукѣ l кашубская и полабская огласовка такая же, какъ у поляковъ, т.-е. гласный стоитъ позади плавнаго: głowa. Надо оговорить, что въ полабскомъ языкѣ не настоящее **о**, а звукъ средній между **а** и **о**, по транскрипціи Шлейхера, **a**: glava. Древнее **о** у полабцевъ переходило въ **ü** (или въ **і**): slüvü или slivî (**слово**), но въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ могло имѣть иную судьбу. Передовую огласовку кашубской и полабской рѣчи естественно считать архаизмомъ.

---

[1]) Такъ-какъ въ чешск. břeh e можетъ быть также древнимъ, сравнимъ еще слово bříza — береза, гдѣ í (раньше ie) ясно указываетъ на **ѣ**.

Съ плавно-чистыми созвучіями не слѣдуетъ смѣшивать тѣхъ древнихъ сочетаній, гдѣ долгіе гласные издавна стояли позади плавныхъ. Сюда относятся, напримѣръ, слова: **брать, слабын, крѣпъкъ, клатъка**. Эти сочетанія по всѣмъ славянскимъ языкамъ проходятъ въ такомъ видѣ.

Среди полногласныхъ формъ есть слова, гдѣ находимъ широкій гласный звукъ, вмѣсто ожидаемаго узкаго, что̀ представляется довольно страннымъ. Такъ, при староцерк. **млѣко**, сербск. млиjѐко, болг. млѣко́, чешск. mléko, имѣемъ порусски молоко. Польскій языкъ при своемъ mléko знаетъ слово mlokos — молокососъ; но оно можетъ быть заимствованное. (Первоначальная форма назывника, должно быть, была mlokoses, изъ * **мелкосъсъ**, однако подверглась вліянію косвенниковъ). Еще подобное слово — долото, сербск. длиjѐто, слов. dléto, староцерковную форму строимъ * **длѣто**; но чешскій языкъ въ соотвѣтствіе русскому представляетъ dláto; польскій яз. имѣетъ dłuto, что̀ этимологически, должно быть, слѣдовало бы писать черезъ ó. (Но, можетъ быть, здѣсь оказалъ вліяніе глаголъ dłubać долбить, а первоначально говорили * dłoto). У сербовъ-лужичанъ имѣемъ: верхне-луж. błotko, нижне-луж. błócko — съ непонятнымъ **b**, вмѣсто **d**. Есть еще порусски слово жолобъ, раньше желобъ. Звукъ **о** здѣсь въ первомъ случаѣ вторичный и объясняется ёканьемъ. Опять-таки южные славяне имѣютъ огласовку черезъ ѣ: * **жлѣбъ**, жлиjеб, žlêb, а западные — широкую огласовку: žlab, żłób, žlob.

Удовлетворительное объясненіе широкой огласовки, вмѣсто узкой, дать довольно трудно. Нѣкоторые утверждаютъ, что славянскій **l** былъ средній, затѣмъ переходившій у иныхъ славянъ въ твердый, въ связи съ чѣмъ произошло расширеніе предшествующаго **е** въ **ŏ**: želbъ (перешедшее послѣ жлѣбъ) діалектически дало želbъ, откуда получилось žŏłbъ, žołbъ, žlab, русск. жолобъ. При этомъ объясненіи приходится предположить у праславянъ областное ёканье, что̀ очень невѣроятно. Невѣроятно и вторичное возникновеніе твердаго **l**, — вмѣстѣ съ Алексѣемъ Ив. Соболевскимъ естественно думать, что существованіе звука **ы** предполагаетъ и существованіе твердаго **л** въ слогѣ **лы**, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ другихъ случаяхъ. Дѣло насчетъ **оло** и **lo**, **la** при **лѣ** неясно. Да и вообще вопросъ о плавночистыхъ созвучіяхъ принадлежитъ къ числу наиболѣе трудныхъ.

Начальныя сочетанія *ort* и *ert*[1]).

Въ началѣ слова плавно-чистыя созвучія развиваются не совсѣмъ такъ, какъ внутри. Южные языки, правда, кромѣ отдѣльныхъ

[1]) Ort и т. д. — формулы, придуманныя Миклошичемъ, гдѣ t обозначаетъ любой согласный звукъ, а r служитъ и за r, и за l; подобно этому полногласіе и связанныя съ нимъ огласовки выражаются формулами torot, trat, trot, tort; teret, trêt, tret, tert.

исключеній, имѣютъ здѣсь обычную азовую огласовку rat, но западные и восточные — rat и rot. По наблюденію Ф. Ө. Фортунатова на тѣхъ словахъ, которыя могутъ быть сопоставлены съ сербскимъ языкомъ, имѣемъ при соотвѣтствіи съ rot спускное удареніе, а при соотвѣтствіи съ rat — рѣзкое (очевидно, изъ древняго подъемнаго). Примѣры: лодья (пишется ладья, церковно-славянской ореографіей, — ср. лодка), посербски лȁђа — со спускнымъ удареніемъ, сравн. чешск. lodí, польск. łódź, верхне-луж. łodź, нижне-луж. łoź (литовское aldija); локоть, посербски лȁкат, чешск. loket, польск. łokieć, верхне-луж. łohć, нижне-луж. łokś (литовское alkúnė). Обратный случай, гдѣ посербски рѣзкое удареніе, представляетъ рȁло. Впрочемъ, для русскаго языка сомнительно, насколько это живое слово. Но въ живомъ употребленіи слово это встрѣчается у чеховъ: rádlo, и у поляковъ: radło, также у сербовъ-лужичанъ: radło. Въ такомъ же соотношеніи находятся: «лакомый», сербск. лȁком, чешск. lakomý, польск. łakomy; рамо (плечо), сербск. рȁме, польск. ramię.

Появленіе подъ древнимъ подъемнымъ удареніемъ первоначально всегда долгаго звука а, а подъ древнимъ спускнымъ первоначально краткаго о аналогично сохраненію или утратѣ западными славянами при тѣхъ же условіяхъ долготы; но двоякость огласовки все-таки не совсѣмъ понятна. Трудно также объяснить о въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти созвучія не имѣютъ на себѣ ударенія: рости (здѣсь Гротъ ошибочно пишетъ а: расти), сербск. ра́сти, польск. rość (это старо-польская форма, теперь же поляки говорятъ rosnąć), чешск. růsti, гдѣ долгое u изъ о. Также очень странно, что южные славяне въ словѣ рабъ имѣютъ о: сербск. и болг. роб (плѣнникъ). Можетъ быть, здѣсь было колебаніе по падежамъ, подравненное впослѣдствіи. Порусски двойственность огласовки видимъ въ словѣ разум, малорусск. розум. Старинный языкъ и народная русская рѣчь вообще даютъ преобладаніе выговору роз. Сравн. сѣверно-великорусск. розумный, гдѣ, можетъ быть, о при а въ словѣ разум есть отзвукъ древняго колебанія, но настаивать на этомъ особенно нельзя, такъ какъ «разумъ», пожалуй, слово книжное, съ южнославянской огласовкой предлога. Западные языки также имѣютъ roz; есть, правда, нѣсколько исключеній въ словацкомъ нарѣчіи: rásol, ráscesty — распутье. Подобное же исключеніе rakyta, чешск. rokyta (порусски слѣдовало бы писать рокита).

Согласные звуки.

Согласные звуки въ новославянскихъ языкахъ не одинаково способны къ твердому или мягкому произношенію. Въ одномъ только русскомъ языкѣ всѣ согласные могутъ быть мягки и бываютъ таковыми передъ небными гласными, произошедшими изъ старыхъ

є, ѧ, ѣ, и да ь. Склонны къ отвердѣнію губные согласные: столом изъ столомь, дам изъ дамь, сравн. еще выговоръ руп, карап рядомъ съ рупь, карапь, вм. рубль, корабль. (Здѣсь видимъ, кромѣ того, утрату элеваго смягченія). Уже въ меньшемъ числѣ мягкіе согласные являются въ польскомъ и сербо-лужицкомъ языкахъ. Въ польскомъ они не разъ измѣнились качественно: мягкіе **r**, **t**, **d** дали **rz**, **ć**, **dź**; мягкіе **s** и **z** приблизились къ шипящимъ. Попольски не бываетъ мягкимъ **ch**, хотя послѣдній передъ узкими гласными все-таки нѣсколько мягче, чѣмъ передъ широкими: chęć (желаніе), chytry. Отвердѣли всѣ конечные губные: krew-krwi, gołąb-gołebia. Не вдаваясь въ подробности польской фонетики, обратимся къ языку чешскому. У чеховъ мягкими могутъ быть только **t**, **d**, **n** и еще **r**, который въ этомъ случаѣ даетъ **r** шепелявый: **ř**.

При мягкихъ согласныхъ, въ русскомъ и польскомъ языкѣ сильно развиты и твердые, особенно характеренъ твердый звукъ **л** (**л** велярный), рядомъ съ мягкимъ. Въ верхне-лужицкой рѣчи твердый **ł** совпадаетъ съ чисто губнымъ **w**, близкимъ къ неслоговому **u**.

Въ южно-славянскихъ языкахъ согласные являются средними, т.-е. ни твердыми, ни мягкими. Въ сербскомъ языкѣ только четыре мягкихъ звука: љ, њ, ћ, ђ: крâљ, кȍњ, нôћ, мȅђа. Соотвѣтствующіе средніе: **л**, **н**, **ч** и **џ**: би̏јел, сȁн, мȁч, џȅп (карманъ). У словенцевъ мягки бываютъ лишь **n** и **l**: konj, kralj; для болѣе ранняго времени можно предполагать еще **r**, судя по тому, что онъ или отвердѣлъ или далъ **rj**: напр., vrtnár, родн. vrtnárja — садовникъ. Въ болгарскомъ языкѣ мягки шипящіе. Въ староцерковномъ и въ праславянскомъ, надо думать, были согласные твердые (**рыба**, **ловъ** и т. п.) и средніе (**лѣсъ**, **липа**, **вести**, **сѧ** и т. д.), а мягкими были шипящіе и вторичные **с**, **ц**, **ѕ** (**доуси**, **отроци**, **боѕи**) да **л҄**, **н҄**, **р҄** изъ **lj**, **nj**, **rj** (**полѥ**, **конь**, **морѥ**).

Смягченіе задненебныхъ[1]).

Обращаемся къ разсмотрѣнію смягченія согласныхъ. Изъ нихъ наиболѣе чувствительны къ слѣдующему мягкому элементу задненебные. Они смягчаются подъ вліяніемъ **j** (**i̯**), **и**, **е**, **ь**, а также и передъ родственными этимъ гласнымъ звуками **ѣ**, **ѧ**. Смягчаются задненебные въ шипящіе и свистящіе: **к** смягчается въ **ч**, **ц**; **г** — въ **ж**, **з**; **х** — въ **ш**, **с**. Двоякость смягченія объясняется тѣмъ, что этотъ процессъ произошелъ въ два пріема, въ разное время. Смягченіе въ шипящіе древнѣе, хотя и смягченіе въ свистящіе

[1]) Подъ «смягченіемъ» условно понимается значительное измѣненіе согласныхъ, вслѣдствіе ранняго, уже праславянскаго, вліянія на нихъ средненебнаго элемента; отъ смягченія мы отличаемъ мягкость или умягченіе. Результаты смягченія въ позднѣйшую пору могутъ быть даже твердыми, напр. порусски «отцы».

относится къ праславянской эпохѣ, и слѣды его есть во всѣхъ славянскихъ языкахъ. А произошло оно въ тѣхъ случаяхъ, когда древнѣйшій выговоръ представлялъ дифтонгъ **oi**, лишь впослѣдствіи перешедшій въ **ѣ**, а въ исходѣ иногда въ **и**. Смягченія же въ шипящіе, надо думать, передъ **ѣ** не происходило, а произошло, когда еще слышалось **ē**, обратившееся затѣмъ не въ **ѣ**, а въ **а**: **мъножаѥ**, **кротъчаѥ**, **ветъшаѥ** рядомъ съ **сильнѣѥ**.

Нѣкоторая непослѣдовательность замѣчается въ позднѣйшемъ смягченіи **г**. Соотвѣтствующій ему глухой **к** при смягченіи даетъ **ц**, т.-е. **тс**, и **г** должно было бы смягчиться не въ **з**, а въ **дз**. Но такое смягченіе встрѣчается лишь какъ архаизмъ: наприм., польск. nodze, болг. областное нодзѣ; почти у всѣхъ славянъ **dz** упростилось въ **z**. Сравнимъ староцерковный языкъ, гдѣ, какъ доказалъ Миклошичъ, было **ѕ** = **дз**, но рано стало упрощаться въ **з**. Такому же упрощенію уже въ праславянскую пору, какъ надо полагать, подверглось **дж**, давшее общеславянское **ж**: какъ **к** смягчалось въ **ч**, т.-е. **т+ш**, и **г** должно было смягчиться въ **дж**.

Взрывной элементъ **t** и **d** проявляется въ староцерковномъ при смягченіи группъ **ск** и **ѕг**, т.-е. въ такихъ фонемахъ, какъ **на дъстѣ**, **къ моѕдѣ**; **истѣлити**, вм. **исцѣлити**, **иждени**, при инфинитивѣ **иѕгънати**.

Смягченіе зубныхъ «*д*» и «*т*».

Зубные менѣе чувствительны къ слѣдующему средненебному элементу, чѣмъ задненебные, и смягчаются только передъ **j**. Въ разныхъ славянскихъ языкахъ смягченіе зубныхъ даетъ различные результаты. У южныхъ и восточныхъ славянъ получился звукъ шипящій: староцерк. **свѣшта**, русск. свѣча, словенск. svéča, сербск. свиjеħа. Въ новоцерковномъ языкѣ — **щ**, введенное туда русскими по образцу такихъ случаевъ, какъ ищу при староцерковномъ **иштѫ**, а, можетъ быть, отчасти и какъ сдѣлка между **шт** и **ч** (=**тш**). Допустимо, но не вѣроятно, что это — уцѣлѣвшій на Руси староцерковный архаизмъ. Дѣло въ томъ, что **шт** едва-ли можно иначе объяснить, какъ изъ **щ**, съ утратою послѣдняго элемента, а это **штш** приходится выводить изъ **ч** путемъ предвосхищенія мягкости въ видѣ **j**, перешедшаго затѣмъ въ **ш**: свѣча, свѣjча, свѣшча, **свѣшта**. У западныхъ славянъ смягченіе **т** даетъ свистящій звукъ **ц**, который проходитъ по всѣмъ языкамъ: чешск. svíce, польск. świeca, лужицк. swěca.

Въ смягченіи праславянскаго **dj** имѣемъ не совсѣмъ полное соотвѣтствіе со смягченіемъ **tj**. Въ староцерк. **жд**, то же **жд** и въ новоцерковномъ, и въ новоболгарскомъ, русск. **ж**, сербск. ђ. Въ областной русской рѣчи есть и **жд**, но его должно признать вторичнымъ, а не древнимъ, такъ-какъ въ старинныхъ чисто-русскихъ памятни-

кахъ оно не встрѣчается[1]); вторичнымъ слѣдуетъ считать и малорусское дж, которое по памятникамъ восходитъ не далѣе XVII вѣка: какія-нибудь урождай, роджу, очевидно, взяли д у такихъ фонемъ, какъ уродиться, родиш.

Въ языкѣ сербскомъ процессъ смягченія т, д повторился въ болѣе позднюю пору въ тѣхъ говорахъ, гдѣ ѣ произносится, какъ je. По замѣнѣ ѣ черезъ je, тамъ явились новыя группы тj, дj, а затѣмъ тjерати (гнать) дало ћерати, дjёд — ђёд. У словенцевъ и хорватовъ d смягчается въ j: mêja, mèja, чакавское mejȁ съ удареніемъ на концѣ. Вѣроятно, этотъ j вышелъ изъ мягкаго д или даже изъ ђ путемъ утраты взрывного элемента. Славяне западные смягчаютъ d въ звукъ свистящій. У поляковъ и словаковъ здѣсь полная гармонія со смягченіемъ t: какъ тамъ получается ts, такъ тутъ — dz: слов. medza, польск. miedza, но у чеховъ и лужичанъ dz упростилось въ z: meze, верхне-луж. mjeza, нижне-луж. mjaza.

Остается еще разсмотрѣть смягченіе зубныхъ при предшествующихъ имъ s, z. Какъ у южныхъ, такъ и у западныхъ славянъ сочетанія stj, zdj даютъ звуки шипящіе. Праслав. * пустjа — пуща, польск. puszsza, чешск. půščě, poušt̆ě; польск. gwizdać — свистать, gwiżdżę, почешск. ohyzda (безобразіе) — zohyžd'uji (безображу); порусски имѣемъ жж: пригвоздить — пригвожжу. Сравнимъ также визгъ — вижжать; жж, надо думать, упрощено изъ жджж. У сербовъ stj смягчается въ шт, напр., при пу̀стити есть форма пу̀штати, гдѣ шт изъ штш.

Для объясненья различнаго смягченія зубныхъ можно сдѣлать предположеніе, что у праславянъ были ц и дз мягкія, которыя позднѣе могли перейти въ шипящіе или же отвердѣть. Первое произошло у восточныхъ и южныхъ славянъ, второе — у западныхъ. Въ сочетаніяхъ dj, tj со свистящими s и z послѣднія путемъ уподобленія умягчились, и въ группахъ ść и źdź отвердѣнія у западныхъ славянъ не произошло: сохранилась древняя мягкость, а потомъ образовались шипящіе щ, жджж. Такое толкованіе очень удобно, но имъ не рѣшается вопросъ о староцерковныхъ шт и жд, которыя, однако, при любомъ объясненіи представляютъ значительное затрудненіе[2]). Группы же tj и dj, должно-быть, существовали у праславянъ только въ самую древнюю пору.

Смягченіе губныхъ.

Сѣверо-западные языки смягчаютъ губные непосредственно, и эти звуки могутъ даже отвердѣвать: польск. kupiony, kupię, zemia,

---

[1]) О церковнославянскомъ жд, весьма обычномъ въ церковныхъ памятникахъ и въ значительномъ количествѣ словъ, вошедшихъ въ книжную рѣчь (осуждать, надежда), какъ и выше о щ вм. ч (укрощать, пища), здѣсь можно и не распространяться.

[2]) Объясненіе для шт, приложимое и къ жд, указано выше, стр. 26.

чешск. země, лужицк. zemja. Сюда примыкаетъ и языкъ болгарскій земя́, ло́вя[1]) или ло́ва, ср. польск. łowię. Добровскій, говоря объ элевомъ смягченіи въ болгарскомъ языкѣ, ошибался; это объясняется тѣмъ, что въ то время болгарскій языкъ былъ очень мало изученъ. Въ староцерковныхъ памятникахъ также встрѣчается не только элевое смягченіе: **гоубити, гоублѭ**; **ловити, ловлѭ**; **коупити, коуплѭ**; но также, напр. въ Супрасльской рукописи, — **оуловьѥнъ** и т. п.

Русскій языкъ имѣетъ смягченіе элевое. Исключеніе представляютъ нѣкоторыя новыя слова, напр. заклейменъ. Случаевъ, гдѣ порусски имѣются мягкіе губные, правда, много (пёс, бѣлый, мель, вялый, скрѣпя́, тебѣ, время, ловя́ и т. д., и т. д.), но это не древнее смягченіе, а вторичная мягкость. Весьма строго выдерживаютъ элевое смягченіе сербы, которые внесли л даже въ случаи вторичнаго сочетанія губныхъ съ j: кȍпље — копье, грȍбље (**гробиѥ**) — кладбище. Пословенски элевое смягченіе также сохраняется. Такимъ образомъ, у восточныхъ и южныхъ славянъ въ общемъ смягченіе элевое, лишь болгарскій языкъ представляетъ отступленіе. Въ виду этого трудно допустить, чтобы элевое смягченіе въ староцерковномъ было вторичнымъ; скорѣе непосредственное смягченіе вошло въ памятники подъ вліяніемъ мораванъ или же какъ намѣчавшаяся уже встарину новоболгарская черта. Я даже склоненъ считать элевое смягченіе праславянскимъ, и при непосредственномъ всегда говорить о вторичномъ, звуковомъ или подражательномъ, измѣненіи. Въ пользу древности элеваго смягченія говоритъ то, что оно встрѣчается въ нѣкоторыхъ, правда, немногихъ, словахъ польскаго языка: plwać, pluję — **пльвати, плюѭ**, сравн. литовск. spiáuti, латинск. spuo, греческ. πτύω. Сходно съ этимъ и blwać — блевать. Эти слова д. б. сохраняютъ древнее смягченіе, въ другихъ случаяхъ устраненное. Сравн. еще чешск. plvati, blvati. Таково еще польск. kropla; но въ старѣйшихъ памятникахъ — kropia (Флоріанская псалтырь); таково же должно-быть польск. niemówlę (младенецъ), хотя образованіе этого слова не совсѣмъ ясно.

---

[1]) Въ иныхъ случаяхъ отсутствіе смягченія можно объяснить примѣненіемъ однѣхъ формъ къ другимъ, напр. польск. karmiony, при русск. кормленый, могло примѣниться къ karmić, karmisz и т. д.

МОРФОЛОГІЯ.

Общія замѣчанія.

Новые славянскіе языки въ своихъ раннихъ памятникахъ представляютъ значительное богатство формъ, вынесенныхъ изъ праславянской сокровищницы въ такомъ же изобиліи, какое было въ языкѣ староцерковномъ. Но въ послѣдующее время многія формы утрачивались. Почти вездѣ утрачено двóйное число, которое въ настоящее время сохранилось лишь у сербовъ-лужичанъ и у словенцевъ, да еще у поляковъ, въ ихъ кашубскомъ нарѣчіи; но въ старину было во всѣхъ славянскихъ языкахъ и вездѣ оставило нѣкоторые слѣды. Таково, напр., наше «колѣни» изъ древняго **колѣнѣ**. Остатки двойнаго числа есть у поляковъ и чеховъ: польск. ręce, чешск. ruce, староцерковн. **рѫцѣ**.

Особое мѣсто относительно именныхъ формъ занимаетъ языкъ болгарскій, почти вовсе отказавшійся отъ склоненія. Одинное и множное число обыкновенно здѣсь имѣютъ только по одной формѣ, грамматическое же отношеніе выражается при помощи предлоговъ; такъ, родный и давальный падежи образуются съ предлогомъ «на», т.-е. слились въ одинъ падежъ, который можно назвать «принадлежнымъ», напр. «слйвитѣ на детéто»—сливы ребенка, «дай слйвитѣ на детéто» — дай сливы ребенку. Болгарскій языкъ развилъ себѣ притомъ членъ, котораго нѣтъ у другихъ славянъ. Въ отличіе отъ нѣмецкаго и французскаго языка, членъ поболгарски ставится позади слова, къ которому относится: вóлътъ, крáвата, ребрóто. (Два другихъ примѣра вошли въ только что приведенныя фразы). Такую же постановку члена мы находимъ въ румынскомъ языкѣ, а также въ языкахъ скандинавскихъ: румынск. lupul, шведск. bonden (bonde — крестьянинъ). Послѣдочная постановка болгарскаго члена не должна насъ удивлять, такъ-какъ въ древности порядокъ словъ былъ чрезвычайно свободный, да мы и теперь нерѣдко говоримъ «волкъ этотъ», вмѣсто «этотъ волкъ».

Много понесли утратъ славянскіе языки и въ области падежей. Въ великорусскомъ нарѣчіи русскаго языка утраченъ падежъ зовный, то же самое — у словенцевъ и у нижнихъ лужичанъ. У остальныхъ славянъ этотъ падежъ сохранился и существуетъ даже у болгаръ:

юна́к, юна́че; сестра́, се́стро. У сербовъ число падежей также сократилось. Давальный, творный и мѣстный падежи множнаго числа имѣютъ одно окончаніе — ма (обыкновенно съ предшествующимъ гласнымъ и или а). Въ старинномъ сербскомъ и въ областномъ языкѣ различіе иногда еще сохраняется. Въ одинномъ числѣ давальный и мѣстный падежи всегда имѣютъ одно окончаніе и могутъ различаться лишь удареніемъ, напр. са́ду и у са́ду (русск. са́ду и въ саду́).

Въ области спряженія новославянскіе языки отказались отъ простыхъ прошедшихъ временъ: имперфекта и аориста, — ихъ сохранили только лужицкій, сербскій и болгарскій языки. Утраченъ также супинъ, уцѣлѣвшій лишь у словенцевъ и нижнихъ лужичанъ. Терпныя причастія настоящныя остались лишь въ видѣ прикладковъ, а какъ причастія существуютъ только въ русской литературной рѣчи. Склоняемыя причастія утратили склоненіе, и обыкновенно сохранилось лишь то́, что̀ теперь порусски называется дѣепричастіями. (Я называю это «па́причастками»).

Основныхъ склоненій въ праславянскомъ языкѣ было три: 1) именное склоненіе, куда принадлежали предметницы, а также прикладки въ именной формѣ, 2) мѣстоименное склоненіе, куда входили мѣстоименія, не входили только личныя **азъ**, **ты** и возвратное **сѧ**, 3) склоненіе сложное — членовы́хъ (опредѣленныхъ) прикладковъ. Склоненіе мѣстоименій **азъ**, **ты**, **сѧ** было первоначально какимъ-то наборомъ непонятныхъ образованій, но въ славянскомъ языкѣ произошли въ нихъ звуковыя измѣненія и примѣненіе формъ, сблизившія его съ именными формами; поэтому мѣстоименія эти мы отнесемъ къ именному склоненію. Такъ, назывникъ **ѩзъ** (церковнослав. **азъ**) звучитъ, какъ **столъ**, хотя конечный ъ въ обоихъ случаяхъ разнаго происхожденія. Давальникъ **мънѣ** похожъ на форму азоваго склоненія, **женѣ**, у которой и взялъ свой ѣ взамѣнъ какого-то другого окончанія.

Именное склоненіе.

Именное склоненіе мы будемъ дѣлить на 7 отдѣльныхъ склоненій: 1) е́ровое: примѣромъ можетъ служить слово **рабъ**, 2) о́новое — **село**, 3) азо́вое — **жена**, 4) у́ковое — **сынъ**, родн. **сыноу**, 5) и́жевое — **пѧть**, родн. **пѧти**, **кость** — **кости**, 6) е́стевое или наращальное — **небо**, родн. **небесе**, 7) склоненіе лично-возвратное. Сюда мы отнесли личныя мѣстоименія **ѩзъ** (**азъ**), **ты** и возвратное **сѧ**. Склоненія е́ровое и о́новое представляютъ древнія основы на **о**: рабъ — órbhos, иго — jugóm. Азо́вое склоненіе названо такъ по назывнику на **а**, совпадающему съ древнею основою; сюда относятся слова съ основами на **ā**, какъ грива, равное санскритскому **grīvā́** (шея). Склоненія у́ковое, и́жевое и е́стевое названы такъ

по окончаніямъ роднаго падежа. Уковое склоненіе представляетъ древнія основы на eu (eu въ чередованіи съ ou, ū и ŭ): **сынъ** — литовск., санскр. и праязычное sūnús. Такія же чередованія (ei—oi—ī, ĭ) имѣло и склоненіе ижевое. Какъ праязычный примѣръ на это склоненіе, возьмемъ слово **овь-ца** — óu̯is, санскритс. ávis, литовск. **avìs**, латинск. ovis, греческ. ὄϝις (изъ чего затѣмъ ὄϊς, οἶς). Естевое или наращальное склоненіе представляетъ основы на согласный звукъ. Наращеніе есть ни что иное, какъ сохраненіе древней основы. Сравн. съ **небо-небесе** др.-инд. nábhas, родн. nábhasas, праязычное nébhos, nébhesos съ варьянтомъ nébheses. Говоря о наращеніи, мы стоимъ на славянской точкѣ зрѣнія, при коей сохранность основы кажется распространеніемъ.

Основы уже въ праязыкѣ не представляли настоящаго единства: напр. въ словѣ órbhos=рабъ въ зовномъ падежѣ **о** исчезало, и на его мѣсто являлось **е**; въ основахъ на **ā** звукъ **а** являлся кое-гдѣ въ краткомъ видѣ: напр., посанскр. grīvā́, твор. grīvā́yā (славянск. **гривож**). Вообще уже въ праязыкѣ основы едва-ли чувствовались, а для сознанія было такое же дѣленіе словъ, какъ теперь въ школьныхъ грамматикахъ русскаго, латинскаго и греческаго языка. Трудно говорить о дѣйствительномъ присутствіи основъ даже у древнихъ индусовъ, въ томъ видѣ, какъ объ этомъ говорятъ ученые, примкнувшіе къ индійскимъ грамматистамъ. Тамъ, впрочемъ, единство подновлено совпаденіемъ звуковъ **о** и **е**: въ какомъ-нибудь dēvás — богъ, зовный падежъ déva, видимъ **as** и **a**, вм. **os** и **e**. Несмотря на это, можно думать, что даже для индусовъ всѣ основы были согласными, а для грековъ, римлянъ и славянъ это тѣмъ болѣе надо утверждать. Только при такомъ пониманіи и объясняется взаимодѣйствіе склоненій, иначе они бы не смѣшивались, потому что у всякаго хватило бы сообразительности различать основы на **о** и на **ā**, на **о** и на **u** (eu̯). Пославянски, напримѣръ, слово **Богъ** только потому могло образовать давальный падежъ **Богови**, вм. **Богоу**, по аналогіи съ **сынъ**, **сынови**, что оба слова имѣли живую основу на согласный звукъ, и **ови**, разлагаемое учеными на темовой гласный eu̯ и флексію ai, было цѣльнымъ окончаніемъ. При своемъ обзорѣ склоненій мы и будемъ обыкновенно говорить объ окончаніяхъ, а не о флексіяхъ и основахъ, что̀ значитъ допускать грубѣйшій анахронизмъ.

Уковое склоненіе уже у праславянъ сближалось съ еровымъ, заимствуясь у него и передавая ему свои формы: напр., уже въ языкѣ староцерковнымъ отъ **сынъ** чаще употребляется форма роднаго падежа **сына**, и настоящая форма уковаго склоненія **сыноу** представляетъ исключеніе. Подобнымъ же образомъ и зовникъ звучитъ **сыне** по еровому склоненію, а **сыноу** — болѣе рѣдкій архаизмъ. Однако нѣкоторые слѣды уковаго склоненія есть и теперь, напр. порусски «купить лѣсу», «фунтъ чаю».

Ижевое склоненіе у словъ мужескаго рода теперь почти утратилось. Сохранилось лишь слово путь, родн. пути, да и то у однихъ русскихъ, причемъ и тѣ въ народной рѣчи иногда говорятъ «путя», или же переводятъ слово это въ женскій родъ. Вообще судьба словъ ижеваго склоненія была двоякая: они или переходили въ еровое склоненіе (порусски почти всегда въ мягкое различіе), или, оставаясь въ ижевомъ, мѣняли мужескій родъ на женскій.

Склоненіе е́стевое или наращальное, повидимому, уже въ праславянскомъ языкѣ не выдерживало своей системы, а заимствовалось у ижеваго, а отчасти у азоваго. Это склоненіе въ новыхъ славянскихъ языкахъ почти не имѣетъ характерныхъ окончаній, и самое наращеніе часто устраняется: **небоу**, вмѣсто **небеси**. Такія формы безъ наращенія есть даже въ нашихъ старѣйшихъ церковныхъ памятникахъ. У нѣкоторыхъ словъ (преимущественно у слова небо) довольно упорно держится наращаемая множина (**небеса**); зато одно слово: **коло-колесе** въ этой формѣ, при значеніи «повозка», видимо, уже въ праславянскомъ сбилось на оновое **кола**, родн. **колъ**.

Въ склоненіяхъ е́ровомъ, о́новомъ, азо́вомъ имѣемъ разновидности, основывающіяся на присутствіи или отсутствіи **j**, который, смягчая предшествующій согласный звукъ, суживалъ притомъ послѣдующій гласный: **ъ** — въ **ь**, **ы** — въ **и**, **о** — въ **е** (также **оі** — въ **еі**, изъ чего затѣмъ получилось чередованіе ѣ съ **и**). Примѣры: **рабъ**, **коӣь**; **иго**, **полѥ**; мѣстн. пад. **рабѣ**, **коӣи**; мн. тв. **рабы**, **коӣи**. Во мн. вин., гдѣ при **ы** исчезъ носовой звукъ, видимъ чередованіе съ **ѧ**: **конѧ**. Въ положеніи послѣ гласнаго, **ъ**, въ сочетаніи **jъ**, давалъ **и** (йотовая разновидность): **бои**; то же находимъ въ склоненіяхъ оновомъ и азовомъ: род. мн. ч. **копии (копьи)**; **свинии (свиньи)**. Когда окончанія стоятъ послѣ шипящихъ, первоначально мягкихъ, но впослѣдствіи болѣе-менѣе твердѣвшихъ, то мы можемъ говорить еще о разновидности полутвердой: **мѫжь**, **ложе**, **доуша**. Что касается склоненія естеваго, то оно, по древнимъ темовымъ гласнымъ, представляетъ пять различій: о́новое или на́шевое, тве́рдовое, о́совое или словово́е, вѣ́девое и о́ровое или рцо́вое. Эти различія мы разсмотримъ ниже.

Общій обзоръ славянскаго именного склоненія можно представить въ слѣдующей схемѣ:

1) Склоненіе е́ровое —
различія: a) твердое: **рабъ**;
b) полутвердое: **мѫжь**;
c) мягкое: **коӣь**;
d) йотовое: **бои**.

2) Склоненіе о́новое —
различія: a) твердое: **иго**;
b) полутвердое: **ложе**;

c) мягкое: **полѥ**;
d) йотовое: **копиѥ (копьѥ)**.

3) Склоненіе азбвое —
различія: а) твердое: **жена**;
b) полутвердое: **доуша**;
c) мягкое: **волꙗ**;
d) йотовое: **свиниꙗ (свиньꙗ)**.

4) Склоненіе ўковое: **сынъ, сыноу**.
5) Склоненіе йжевое: **пѧть, пѧти; кость, кости**.
6) Склоненіе естевое (наращальное),
съ различіями: а) нашевымъ мужескимъ: **камы, -ене**;
б) нашевымъ среднимъ: **племѧ, -ене**;
в) твердовымъ: **телѧ, -ѧте**;
г) слововымъ: **небо, -есе**;
д) вѣдевымъ: **цръкы, -ъве**;
е) рцовымъ: **мати, -ере; дъшти, -ере**.

7) Склоненіе личныхъ и возвратнаго мѣстоименій — «лично-возвратное»: **ꙗзъ, ты, себе**.

Разница въ окончаніяхъ, получившаяся вслѣдствіе суженія, съ теченіемъ времени сглаживается вслѣдствіе взаимодѣйствія различій, при коемъ по большей части твердое вліяетъ на мягкое, но и наоборотъ. Напримѣръ давальникъ азоваго склоненія порусски образуетъ землѣ, вмѣсто древняго **ꙁемлн**, подъ вліяніемъ **женѣ**. По-сербски зовный падежъ этого слова имѣетъ **о**, вм. **е**: зѐмљо, опять-таки по аналогіи съ твердымъ различіемъ: жѐно. Наоборотъ, имѣемъ сербскій рóдникъ вòдê, вм. води изъ древняго **воды**: здѣсь мягкое различіе — зѐмљê (**ꙁемлѩ**) — повліяло на твердое. Въ иныхъ случаяхъ, а именно въ назывно-винильномъ падежѣ одиннаго числа и рóдномъ множнаго, произошло совпаденіе, вслѣдствіе онѣмѣнія глухихъ: таковы, напр., польскія stół и król, sioł и pól, гдѣ когда-то были окончанія **ъ** или же **ь**, а теперь — одинаковая безсуффиксность. Въ русскомъ письмѣ это явленіе затемняется архаизующей ореографіей.

Отмѣтимъ еще замѣны нѣкоторыхъ падежей другими падежами, напр., винильникъ въ роли назывника: русск. «столы», вм. древняго **столи**. Еще винильникъ можетъ замѣняться рóдникомъ, чтó вездѣ бываетъ у именъ одушевленныхъ мужескаго рода въ одинномъ числѣ éроваго склоненія. Въ ўковомъ и ижевомъ этого нѣтъ, кромѣ впрочемъ одного случая въ Супрасльской рукописи, гдѣ читаемъ винильный падежъ **тати**, вм. **тать**. Въ указанныхъ границахъ держатся сербы, чехи, словенцы. Поляки и лужичане проводятъ рóдникъ въ роли винильника у названій лицъ мужескаго пола по всѣмъ двумъ или тремъ числамъ. Въ роли винильника у поляковъ не только pana, но и panów (на ряду съ архаичнымъ pany). Также

и у лужичанъ popa, popow, popowu. Послѣдняя форма только у нижнихъ лужичанъ, — у верхнихъ она замѣняется множиннымъ popow. Это же правило существуетъ и въ русскомъ, — въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ: панів, панôу, но воли, волы; хотя тамъ оно переносится иногда на всѣ живые предметы мужескаго рода. Въ великорусскомъ нарѣчіи одушевленные предметы всѣхъ трехъ родовъ имѣютъ во множинѣ винильный падежъ въ формѣ роднаго. И у болгаръ есть родно-винильный падежъ на **а**, который употребляется однако только въ нѣкоторыхъ соединеніяхъ: «тóзи българин» — этотъ болгаринъ, «тогóзи българина».

Замѣчается въ склоненіи и нефонетическое устраненіе смягченія задненебныхъ **г, к, х**. Хотя, по преданію, оно обыкновенно соблюдается и въ новославянскихъ языкахъ, однако видна склонность къ единству основы, чтò достигается подстановкой иныхъ окончаній: напр. попольски нѣкогда было w Bodze, но теперь всегда w Bogu. То же самое замѣчается и у чеховъ: v Boze, но обыкновенно v Bohu. Смягченіе это нàходимъ еще (съ подобными же ограниченіями) у малороссовъ и бѣлоруссовъ. Изъ рѣчи великорусской оно устранено (мы говоримъ на ногѣ, на рукѣ, въ духѣ) и есть только коегдѣ въ областномъ употребленіи. Съ русскими сходятся словаки, у коихъ также находимъ такія образованія, какъ na nohe, na ruke.

Вспомнимъ еще, что въ склоненіи замѣчается выпаденіе и вставка гласныхъ (бѣглость), основанная на проясненіи и онѣмѣніи глухихъ. Но встрѣчается, какъ мы уже видѣли, нефонетическое устраненіе бѣглости: болгарск. сéленец, сéленци, но косвенникъ сéленеца и зовникъ сéленецо. Сербы-лужичане, какъ верхніе, такъ и нижніе, устранили бѣглость, расширивъ употребленіе безгласныхъ окончаній **k** и **c**, вм. **ok** и **ec**.

Еровое склоненіе.

Н а з ы в н ы й   п а д е ж ъ   о д и н н а г о   ч и с л а оказался безсуффикснымъ: раб; безсуффиксность произошла здѣсь вслѣдствіе онѣмѣнія глухого. Но иногда бываетъ заимствованіе изъ оноваго склоненія въ видѣ окончаній **о** и **е**. Сюда относятся русскія названія лошадей по мастямъ, напр. Сѣркó, Гнѣдкó и т. д. Помалорусски — Дніпрó, Петрó. Такія имена на **о** есть и у сербовъ: Ђýро — Юра, вôјно — супругъ. Посербски отмѣтимъ также рядъ собственныхъ именъ на **је**, чтò есть ни что иное, какъ мягкая разновидность къ **о**: Ди̏митрије, Ста̏ноје. Попольски видимъ цѣлый рядъ ласкальныхъ именъ на **о**: Jasio (чтò можетъ сократиться въ безсуффиксную форму Jaś). Всѣ эти слова на **о** первоначально были средняго рода, а потомъ перешли по смыслу въ мужескій (ср. греч. *τὸ ὀνύχιον* — ноготокъ, *τὸ τραπέζιον* — столикъ, рядомъ съ *ὁ ὄνυξ, ἡ τράπεζα*); поэтому выводить **о** изъ праязычнаго **os** не приходится, хотя на первый

взглядъ это кажется соблазнительнымъ. Что эти слова на **о** были первоначально средняго рода, видно, между прочимъ, изъ нашихъ былинъ, гдѣ находимъ такія согласованія, какъ «татарченко малое».

Падежъ родный представляетъ иногда замѣну окончанія **а** посредствомъ окончанія **у**, идущаго изъ уковаго склоненія. У сербовъ и болгаръ такой замѣны нѣтъ совсѣмъ, у словенцевъ она встрѣчается лишь у словъ односложныхъ, напр. grâd-gradû — зáмокъ, чтò можно объяснить тѣмъ, что древнія ўковки были односложными (до онѣмѣнія **ъ** — двусложными). У остальныхъ славянъ окончаніе **у** получило иные предѣлы: оно присвоено главнымъ образомъ неодушевленнымъ именамъ. У поляковъ и чеховъ существуетъ правило, что **u** ставится въ неодушевленныхъ именахъ твердаго различія, напр. dub, dubu; dąb, dębu. У поляковъ отмѣтимъ архаизмъ wołu. Указанное правило имѣетъ много исключеній, напр., kostel, -ela, попольски kościół, -ioła. У сербовъ-лужичанъ правило это ограничивается односложностью, какъ и у словенцевъ: lodu, sadu (послѣднее слово можетъ быть архаизмъ). Порусски уковое окончаніе употребляется преимущественно въ раздѣлительномъ значеніи. Впрочемъ, народная рѣчь щедрѣе на **у**, чѣмъ литературная, а для малорусской дается даже то же правило, какъ у чеховъ и поляковъ, хотя оно сильно преувеличено.

Въ падежѣ давальномъ имѣемъ тоже два окончанія: **у** и **ови**, съ разновидностью **еви**. Второе неизвѣстно сербамъ и русскимъ, въ лицѣ великороссовъ и бѣлоруссовъ. То же самое можно сказать и про болгаръ, однако въ областной (западной) рѣчи есть «синое» (изъ **сынокъ**, вм. **сынови**). Въ старинныхъ русскихъ (псковскихъ, новгородскихъ) памятникахъ окончаніе **ови** еще встрѣчается, но теперь оно распространено лишь у малороссовъ, гдѣ очень обычно у именъ одушевленныхъ: козакóві, ковалéві. Постоянно у одушевленныхъ именъ **ови** встрѣчается въ языкѣ чешскомъ, когда слово стоитъ отдѣльно, напр., píšu bratrovi, но mému bratrovi или mému bratru. У поляковъ **u** встрѣчается лишь въ видѣ исключенія, owi — постоянно. Странно, что слово Богъ у чеховъ и поляковъ не имѣетъ окончанія **ови**, хотя таковое и было въ староцерковномъ. У сербовъ-лужичанъ это окончаніе является въ сильно измѣненномъ видѣ: у нижнихъ лужичанъ **oj**, у верхнихъ — **ej**: popoj, popej. Есть, правда, окончаніе **u**, но оно употребляется верхними лужичанами только у односложныхъ именъ, нижними только — у неодушевленныхъ. Словенцы имѣютъ окончаніе **ovi** только у именъ односложныхъ: gradóvi.

Зовный падежъ утраченъ у великороссовъ, словенцевъ и нижнихъ лужичанъ, но въ другихъ славянскихъ языкахъ, даже въ болгарскомъ, сохранился. Обыкновенное его окончаніе **е** у словъ твердаго различія и **у** — въ мягкомъ различіи. Иногда, впрочемъ, окончаніе **у** заходитъ и въ твердое различіе, что можно объяснять вліяніемъ уко-

ваго склоненія. Чехи, поляки, малороссы употребляютъ окончаніе **у** во избѣжаніе смягченія заднененбныхъ, напр. почешски **duchu**! **vrahu** (**vrah** значитъ убійца)! **jazyku**! Обратную замѣну окончаній зовнаго падежа находимъ у сербовъ, но только при звукѣ **р**, который тамъ отвердѣлъ: госпо̀да̂р, родн. п. господа́ра, зовный — го̏спода̂ру и го̏спода̂ре, заимствованное изъ твердаго различія. У верхнихъ лужичанъ имѣется въ зовномъ падежѣ окончаніе **о**, вм. **е**, то же самое и у болгаръ: верхне-луж. **wjelko**, **synо**, болгарск. се́ленецо. Это окончаніе взято изъ азоваго склоненія, хотя при несходствѣ обоихъ склоненій такое заимствованіе довольно странно.

На падежѣ винильномъ, послѣ сказаннаго о немъ ранѣе, останавливаться не будемъ.

Творный падежъ въ праславянскомъ языкѣ обозначался двумя окончаніями: **омь** и **ъмь** (въ мягкомъ различіи **емь** и **ьмь**): **столомь, корабльемь, столъмь, корабльмь**; **ъмь** несомнѣнно идетъ изъ укового склоненія. Въ отдѣльныхъ же славянскихъ языкахъ окончаніе **омь (емь)** есть юго-славянское (и староцерковныя рукописи пишутъ почти только **омь** и **емь**), а западные предполагаютъ **ъмь** и **ьмь**; то же самое и въ русскомъ: малороссы имѣютъ козаком, а не козакім, слѣдовательно, здѣсь не древнее **о**, а **ъ**. Въ языкѣ болгарскомъ окончаніе **ом** встрѣчается у нарѣчій, играющихъ роль дѣепричастій: бързишко́м спѣша. У сербовъ-лужичанъ слышится **о** въ обоихъ различіяхъ, но надо думать, что оно восходитъ къ **ъ**: **stołom**, **konjom**. Русское конём должно-быть развило **о**, вм. **е**, нефонетически, подъ вліяніемъ твердаго различія. Прибавимъ къ сказанному, что словенцы нерѣдко имѣютъ окончаніе **am**, вмѣсто **om**, что̀ не слѣдуетъ объяснять употребленіемъ окончанія **ъмь** и проясненіемъ **ъ** въ **а**, а стоитъ въ связи съ появленіемъ азовыхъ окончаній, **am**, **ami**, **ah**, во множинѣ.

Въ падежѣ мѣстномъ имѣемъ окончанія **ѣ (и)** и **оу**. Первое совершенно вытѣснено вторымъ въ языкѣ сербскомъ: тамъ разница между падежами давальнымъ и мѣстнымъ, если существуетъ, то лишь въ удареніи: са̂ду, но у са́ду; бри̏јегу, но на бријѐгу. У словенцевъ окончаніе есть **i**; впрочемъ, тамъ безударное краткое **u** плохо отличается отъ безударнаго **i**. Малороссы и бѣлоруссы не разъ употребляютъ **у**, уклоняясь отъ смягченія; то же дѣлаютъ поляки и чехи. У послѣднихъ **ĕ** встрѣчается лишь въ видѣ исключенія и употребляется при предлогахъ **v** и **na** (почти обратно великорусскому правилу). Уже раньше отмѣчены v Bohu, w Bogu; прибавимъ еще v člověku, w człowieku, v duchu, w duchu. То же и въ лужицкомъ языкѣ. Въ языкѣ русскомъ окончаніе у обычно, какъ ударяемое, у именъ неодушевленныхъ предметовъ, имѣющихъ удареніе не на послѣднемъ слогѣ и стоящихъ съ предлогами на, въ: на берегу, въ лѣсу. Въ мягкомъ различіи окончаніе **и** вышло изъ употребленія и замѣнилось **ѣ** или **у** съ предшествую-

щей мягкостью: на конѣ, вм. древняго на кони, попольски na koniu. Почешски вслѣдствіе суженія также находимъ i, которое, однако, восходитъ къ древнему u, кромѣ нѣкоторыхъ говоровъ, не знающихъ суженія u и имѣющихъ, рядомъ съ дат. koňu, мѣст. na koni.

Назывный падежъ множнаго числа представляетъ цѣлый рядъ окончаній: и, е, ове, а, ия (ья), ы и, наконецъ, ѧ, который въ западнославянской и русской рѣчи замѣняетъ югославянскій ѧ. Формы на ы и на ѧ — древніе винильники въ роли назывника. Порусски окончаніе и оттѣснено и замѣнено черезъ ы, говорятъ, однако, сосѣди, холопи (но и холопы), черти. У южныхъ славянъ и уцѣлѣло, но такъ-какъ ы и и совпали, то сказывается лишь тамъ, гдѣ находится смягченіе: сербск. јунаци, болг. юнаци. Древнее и надо видѣть и въ словенскомъ i, хотя словенцы устранили смягченіе и говорятъ junáki и т. д., при единичномъ архаизмѣ otróci — дѣти. Почешски i сохранилось у одушевленныхъ предметовъ, но не всегда ясно выступаетъ вслѣдствіе совпаденія i съ y. Проявляется оно въ сочетаніяхъ съ k, h, ch, t, d, n и r въ видѣ смягченія или умягченія, напр. vojáci — солдаты, komáři, páni. Попольски i бываетъ только у личныхъ именъ, при чемъ иногда y и i фонетически мѣняются ролями, т.-е. y оказывается въ назывномъ, а i въ винильномъ падежѣ: chłopi, żydzi (сравн. верхне-луж. židźi); urzędnik (чиновникъ) — urzędnicy; piwowar — piwowarzy. Сопоставимъ съ этимъ винильники: wilki, bogi. Еще рѣже i сохранилось у верхнихъ лужичанъ, гдѣ оно также присвоено именамъ личнымъ.

Второе окончаніе ове идетъ изъ уковаго склоненія. Поболгарски оно присвоено односложкамъ: столо̀ве, грѣховѐ, кра̀леве. Въ мягкомъ различіи о есть подражаніе твердому. Посербски это окончаніе примѣнилось къ еровому и звучитъ — ови; оно тоже присвоено односложнымъ словамъ: гра̏дови, но бываетъ и у другихъ: со̏ко̂ — соко̀лови. Сербское -ов- проходитъ по всѣмъ падежамъ множнаго числа (род. градо́ва̂, д.-тв.-м. гра̏до̀вима), слѣдовательно, имѣется наращеніе основы. То же ovi есть и у словенцевъ, тоже у односложныхъ именъ: vetróvi. Здѣсь ov по всѣмъ падежамъ не проходитъ. У чеховъ ové: pánové; нерѣдко у одушевленныхъ, также у такихъ собирательныхъ, какъ národové; встрѣчается изрѣдка у неодушевленныхъ именъ, когда хотятъ назывный падежъ отличить отъ винильнаго, напр. stromové — деревья, вм. обычнаго stromy. У поляковъ owie весьма нерѣдко у личныхъ, при чемъ имѣетъ оттѣнокъ почтительности: panowie. Сербы-лужичане, вмѣсто е, имѣютъ о: zemenjo, popojo — окончанія, которыя слѣдуетъ отождествить съ е и съ ове.

Аналогично назывникамъ на ы (винильникамъ, играющимъ также роль назывниковъ) въ мягкомъ различіи является ѧ: старорусск. конѧ. Сравн. современныя народныя маѣ, твaѣ, свaѣ. Появленіе ѣ послѣ

мягкости странно; надо думать, что здѣсь ѣ развился въ такую эпоху, когда процессъ перехода ѣ (ē) послѣ мягкости въ а уже былъ законченъ. О томъ, что здѣсь дѣйствительно имѣлся ѣ, а не е, свидѣтельствуетъ малорусское кóнї[1]). Польское окончаніе е тоже надо отождествить съ ѧ: miecze, также и чешск. meče и луж. mječe. У поляковъ встрѣчаемъ е и у личныхъ именъ: panicze, złodzieje. Это окончаніе отчасти м. б. не изъ ѧ, а изъ є, ніє (ьє). Что польское е нельзя возводить къ ѧ, видно изъ послѣдовательнаго отсутствія носового элемента, который, правда, въ исходѣ часто теряется, но не повсемѣстно и не издавна. Сюда примыкаютъ и болгарскія формы на е, какъ коне́, царе́, которыя, однако, слѣдуетъ возводить къ винильнику на ѧ.

Отъ согласныхъ основъ идетъ окончаніе є: словѣнє. Употребляется е, главнымъ образомъ, у словъ на **анинъ** и на простое **инъ** (названія лицъ), у славянъ восточныхъ и западныхъ: рус. мѣщанинъ — мѣщане, чешск. měšt'an (встарь — měštěnín) — горожанинъ, měšt'ané (долгота é, навѣрное, изъ склоненія ижеваго). Почешски и попольски, впрочемъ, есть формы на е и не только отъ именъ на **анинъ** и **инъ**: чешск. hosté, přátelé, польск. goście, przyjaciele. Такія формы, по крайней мѣрѣ отчасти, примыкаютъ къ ижевымъ на ніє (ьє): пѧтиѥ. Кое-гдѣ это окончаніе есть и у южныхъ славянъ, напр. у словенцевъ: gostjé, lasjé (волосы).

Окончаніе а въ большомъ ходу у великороссовъ: лѣса, края, писаря, учителя и т. д. Иногда бываетъ колебаніе между окончаніями ы и а: офицеры и офицера. Окончаніе а пошло отъ именъ сборныхъ (собирательныхъ), которыя стали сознаваться просто какъ множное число. Какъ собирательное до сихъ поръ склоняется посербски и despacio словенски слово «госпôда», gospôda. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ окончаніе а есть у славянъ сѣверо-западныхъ — поляковъ и чеховъ: lesy, lesa; vrchy, vrcha; pułki, pułka. Во всѣхъ славянскихъ языкахъ господствуетъ слово братиꙗ. Посербски это слово склоняется по одинному числу, по азовому склоненію: бра̑ћа, -ћē, -ћи. Порусски, попольски, почешски косвенники сбиваются уже на число множное. Изъ другихъ словъ на ья, ія отмѣтимъ еще древнерусское кънѧжьꙗ, польск. księża и областн. русск. «дружья», измѣненное обыкновенно въ друзья, подъ вліяніемъ древняго назывника дроуѕи. Подобнымъ же образомъ появилось з и въ теперешнемъ «князья».

У славянъ западныхъ и восточныхъ назывный падежъ иногда замѣняется винильнымъ. Въ русскомъ языкѣ такая замѣна обычна у всѣхъ словъ безъ различія ихъ значенія: столы, волы, казаки и др.; тоже въ нижн.-лужицк.: popy. У верхнихъ лужичанъ

[1]) Ср. также ниже, и еще стр. 41 и 42.

и поляковъ винильный падежъ сталъ играть роль называнаго у именъ неодушевленныхъ и названій животныхъ: dęby, orły (но и orłowie), лужицк. worły. Иногда винильникъ въ роли называника употребляется и отъ личныхъ именъ, придавая обыкновенно слову презрительный оттѣнокъ. Почешски у присвоено неодушевленнымъ предметамъ, но старочешскій сходился съ польскимъ и лужицкимъ и различалъ имена личныя и неличныя. О винильно-называномъ падежѣ мягкаго различія на ѣ рѣчь была выше.

Обращаемся къ падежу рóдному. Возникшая здѣсь фонетически безсуффиксность почти вездѣ исчезла, и появилось окончаніе **овъ**, идущее изъ уковаго склоненія. Оно переносится иногда даже и на оновое и на азовое склоненіе. Вспомнимъ русскія народныя формы: мѣстóв, дѣлóв, и областныя: лóдков, бáрышнёв и т. п. У лужичанъ и въ польскихъ говорахъ **овъ** почти вовсе вытѣснило безсуффиксность и господствуетъ даже въ ономовъ и въ азовомъ склоненіи. Посербски также есть **овъ** въ видѣ ōвā: градóвā, но тамъ, какъ уже отмѣчено, наращеніе проходитъ по всѣмъ падежамъ, почему падежной наставкой чувствуется одно ā. Это ā и есть обычное окончаніе роднаго падежа: јунáкā, јȅлêнā. Впрочемъ, встрѣчается посербски и безсуффиксность, но лишь какъ пѣсенный архаизмъ: тȗрāк на ряду съ тȗрāкā, а также у хорватовъ-чакавцевъ. Окончаніе ā довольно странно, можетъ быть, оно выводится изъ ъ, который внутри фразы при послѣдующемъ глухомъ слогѣ могъ проясниться.

Чешскій языкъ имѣетъ окончаніе **óv, uov, ův**, польскій — **ów**: pánův, panów. Какія-нибудь do Uher, do Węgier — въ Венгрію принадлежатъ къ рѣдкимъ исключеніямъ.

Попольски въ мягкомъ различіи, вмѣсто **ów**, есть еще **i**, заимствованное изъ склоненія ижеваго: królów или króli; pisarzów или pisarzy. Это **i**=староцерковному **ии**: **пѫтии**; ср. русск. путей и королей, кораблей. Почешски í встрѣчается рѣже: koní. Въ верхнелужицк. тоже есть koni, muži. Окончаніе й имѣется еще у сербовъ, въ нѣсколькихъ словахъ, принадлежавшихъ къ ижевому склоненію: гȍстй, мрáвй, а изрѣдка перенесено и въ еровое склоненіе: мјȅсēцā, но и мјесéцй.

Давальный падежъ въ староцерковномъ языкѣ имѣлъ окончаніе **омъ**, откуда почешски фонетически получилось **ům**: dubům (изъ болѣе ранняго dubuom, первоначальнаго dubóm). Почти во всѣхъ славянскихъ языкахъ оказало вліяніе азовое окончаніе **амъ**, которое особенно распространилось у русскихъ, гдѣ **ом** теперь лишь рѣдкій архаизмъ, засвидѣтельствованный въ былинахъ и коегдѣ въ малорусскихъ говорахъ, какъ **ім**: псім. И у сербовъ-лужичанъ **am** вовсе вытѣснило **om, em**. Азовое окончаніе есть и у словенцевъ на ряду съ **om**. Польское **om** (во всѣхъ склоненіяхъ), очевидно, есть сдѣлка между **омъ** и **амъ**. Возводить же его къ **омъ**

нельзя, такъ какъ **омъ** попольски дало бы **óm**, какъ и почешски. Кромѣ того, у сербовъ въ давальномъ падежѣ имѣется окончаніе **има** (служащее и для падежей творнаго и мѣстнаго). **Има** трудно вывести изъ множнаго числа, навѣрное оно идетъ изъ двойнаго. Въ областной сербской рѣчи есть окончаніе **ом**.

Старое окончаніе творнаго падежа **ы**, **и** оттѣснено и встрѣчается только въ видѣ исключенія, напр. русск. «с товарищи», «с дубовыми тесовыми вороты» (у Пушкина). Чаще этотъ архаизмъ у поляковъ: pełnemi stoły, что̀ допускается, однако, лишь тогда, когда грамматическая форма ясно опредѣлена предлогомъ или прикладкомъ. «И» есть и въ областной сербской (преимущественно въ хорватской) рѣчи. Почешски литературная рѣчь упорно держится окончаній **y**, **i**, лишь изрѣдка допуская **ami**; но въ народномъ языкѣ почти всегда **ama** (изъ двойнаго числа азоваго склоненія).

Обыкновенное окончаніе творнаго падежа у русскихъ, лужичанъ и поляковъ есть **ами**, также идущее изъ азоваго склоненія. У словенцевъ **ami** тоже встрѣчается, хотя обычно у нихъ уцѣлѣло **i**. Иногда мягкое различіе имѣетъ окончаніе **ми** изъ ижеваго склоненія: чешск. koňmi, польск. końmi, старорусск. **коньми**, которое впослѣдствіи въ большинствѣ случаевъ было замѣнено азовымъ **ами**. Въ польскомъ есть архаичная уковая форма wołmi (староцерк. **волъми**), на ряду съ wołami.

Въ падежѣ мѣстномъ древнее **ѣхъ** встрѣчается теперь какъ рѣдкій архаизмъ, напр. въ польскомъ (въ молитвахъ) na niebiesiech, вм. обычнаго na niebiosach. Окончаніе **ích** (староцерковн. **ѣхъ**) часто употребляется у чеховъ, хотя перестало у нихъ быть характернымъ. Еще почешски есть **ech**=**ьхъ** (изъ склоненія ижеваго). У словенцевъ **ih** — нормальное окончаніе: na stôlih; такъ и въ хорватскомъ приморьѣ. Пословенски мѣстный падежъ оканчивается и на **ach**=**ахъ**, что̀ не разъ встрѣчаемъ еще у чеховъ, особенно послѣ задненебныхъ: na rohách (на рогахъ, на углахъ), вм. na rozích.

О́новое склоненіе.

Оновое склоненіе почти совпадаетъ съ еровымъ, поэтому говорить о немъ много не приходится. Но все-таки нѣкоторыя замѣчанія надо сдѣлать.

Въ мягкомъ различіи находимъ примѣненіе къ твердому различію, именно, polo у сербовъ-лужичанъ и наше сѣверновеликорусское пóлё. Ни тамъ, ни здѣсь, должно быть, не слѣдуетъ видѣть фонетическаго ёканья.

Во мнóжномъ числѣ окончаніе **а** можетъ замѣняться окончаніемъ **ы** изъ ероваго и изъ азоваго склоненій: вороты, копыты, сёлы. Навѣрное, эта форма подражательная. Встрѣчается она и въ польскомъ языкѣ, напр. Богданъ Залѣсскій рифмуетъ niebiosy,

вм. niebiosa, съ głosy. Падежъ родный сохраняетъ безсуффиксность и этимъ отличается отъ ероваго склоненія. Но сербы имѣютъ и здѣсь â: сéлâ, пóљâ.

Въ родный падежъ иногда заходитъ уковое окончаніе **овъ:** очков (сравн. народныя формы дѣлов, мѣстов, общеупотребительное вареньевъ и др.). Уковое окончаніе находимъ и у поляковъ: szkło, род. szkłów (но и szkieł); у лужичанъ же такія формы, какъ čołow, poljow, ćeŕpjenjow (ćeŕpjenjo — страданіе) составляютъ правило.

Азбовое склоненіе.

Здѣсь, въ мягкомъ различіи, утрачено назывничное окончаніе **и**, бывшее у основъ на **ынн** и **нн**: **господынни** хозяйка, **грьдыйни**, **мльнии**. Порусски послѣднее слово уже въ Остромировомъ Евангеліи является въ видѣ **мълиния** (въ другомъ мѣстѣ — **мълнии**). Въ сѣверновеликорусской рѣчи, однако, находимъ донынѣ государони, барони (съ непонятнымъ **о** вм. **ы**); помалорусски имѣемъ пани, но это навѣрное полонизмъ. Въ полномъ ходу yni (ini) въ языкѣ польскомъ: gospodyni, bogini.

Въ р о д н о м ъ п а д е ж ѣ надо для праславянской эпохи предположить послѣ мягкости, кромѣ **ѧ**, еще **ѣ**, возникшій изъ **ѧ** при какихъ-то неизвѣстныхъ условіяхъ. Этотъ переходъ носового **е** въ **е** долгое, надо думать, произошелъ въ такое время, когда древній переходъ послѣ мягкости ē въ ā уже былъ завершенъ, такъ что ē могло сохраниться, а затѣмъ перейти въ **ѣ**. Покойный Ф. Ѳ. Фортунатовъ выставилъ теорію, что здѣсь былъ **ѧ** особаго оттѣнка, дававшій у иныхъ славянъ **ѣ**, но почему это особое ę явилось, остается непонятнымъ. Порусски находимъ древнія формы на **ѣ**, параллель чему представляетъ польскій языкъ въ старинной и отчасти въ народной рѣчи: ziemie, вм. обыкновеннаго ziemi. Формы на **е**=**ѧ** сохранились у сербовъ и словенцевъ, и не только сохранились, но и повлекли за собой твердое различіе, гдѣ фонетически изъ **ы** должно было бы получиться **і**: зѐмљê, zemljé; вòдê, vodé. Русская областная (рязанская) рѣчь знаетъ такое же распространеніе **ѣ:** боюсь козѣ, вм. козы[1]).

Въ д а в а л ь н о м ъ п а д е ж ѣ русскій языкъ далъ преобладаніе твердому различію: землѣ, но въ старѣйшихъ памятникахъ всегда **и**. Въ настоящее время окончаніе **и** господствуетъ у сербовъ и у словенцевъ, будучи перенесено и на твердое различіе: зѐмљи, zêmlji; вòди, vôdi. Примѣненіе къ твердому различію находимъ и въ падежѣ зовномъ, у сербовъ и поляковъ: зе̏мљо, ziemio.

Т в о р н ы й п а д е ж ъ большею частью представляетъ стяженное окончаніе, что̀ ясно изъ долготы, которую видимъ въ языкахъ количе-

---

[1]) Ср. сказанное выше, стр. 37—38 и ниже 49.

ственныхъ. Таково старочешское ú, которое дало въ новомъ языкѣ ou: vodú, vodou. Отраженіе долготы имѣемъ и у поляковъ: wodą. Посербски также является долгота: рйбôм, зѐмљôм, но здѣсь процессъ иной: эти формы образовались изъ стар. рыбоѫ; ов вышло изъ оу, оју, оѫ, а м, вмѣсто в, есть подражаніе еровому и оновому склоненію. Отмѣтимъ еще чакавскія формы на ûn, вм. ûm (насчетъ конечнаго n изъ m, ср. греческ. *λύκον*, *ἔφερον*): zvezdûn, что̀, если не считать позднѣйшей прибавки n (m), равно чешскимъ формамъ на ú, польскимъ на ą.

Множный называникъ и равный ему **винильникъ** представляють тѣ же окончанія, древнія и вторичныя (ы, ѧ, ѣ, и), какъ одинный рóдникъ; только у сербовъ е въ нихъ краткое: зѐмље, вȍде [1]).

Въ **рóдномъ падежѣ** множнаго числа получилась безсуффиксность; но порусски иной разъ въ твердомъ различіи имѣемъ ов: лодков (народное), а въ мягкомъ очень нерѣдко — ей: ханжей, броней, свѣчей; въ народной рѣчи есть и ов: бáрышнёв. Польское простонародье мѣстами всегда употребляетъ ów или i (=ии, русск. ей). Окончаніе ów попадается и въ языкѣ такихъ хорошихъ поэтовъ, какъ Мицкевичъ: z rzęsów — съ рѣсницъ. У сербовъ-лужичанъ оно стало постояннымъ.

Въ **творный падежъ** попольски вкрадывается окончаніе ы, которое встрѣчается особенно у поэтовъ, напримѣръ, у Мицкевича: między krzyżowemi roty (среди крестоносныхъ отрядовъ), z mosiężnemi dzwonki (съ латунными колокольчиками). Есть ы и въ русской народной поэзіи: съ гостиными жоны. Это ы (i) вм. ami появилось по образцу древняго ы рядомъ со вторичнымъ ami, имѣвшагося въ еровомъ и въ оновомъ склоненіи: głosami и głosy, wrotami и wroty.

Къ сказанному объ азовомъ склоненіи слѣдуетъ прибавить, что оно кое-гдѣ (не только въ отдѣльныхъ падежахъ, какъ во множномъ рóдникѣ на ей, i) сбивается на ижевое: порусски старинное «постеля» теперь звучитъ «постель». Это явленіе особенно часто встрѣчается у чеховъ: zem, houšt', вм. země, houště. Отчасти мы здѣсь, можетъ быть, имѣемъ дѣло не съ подражаніемъ, а съ отпаденіемъ конечнаго гласнаго.

Йжевое склоненіе.

Ижевое склоненіе, вліяя на азовое, въ свою очередь не чуждается его вліянія, напр. въ русскомъ языкѣ костями рядомъ съ архаичнымъ костьми, дочерями рядомъ съ донынѣ господствующимъ дочерьми.

[1]) ѣ, какъ варьянтъ къ ѧ, имѣется такимъ образомъ во множномъ называно-винильникѣ и въ одинномъ рóдникѣ азóваго склоненія, да во множномъ винильникѣ éроваго, гдѣ беретъ на себя нерѣдко и роль называника.

Особенно часто встрѣчаются эти формы въ народной рѣчи, гдѣ однако, съ другой стороны, изрѣдка находимъ любопытный архаизмъ лошадём, лошадёх (давальн. и мѣстн.). Творничныя формы на **mi** есть у словенцевъ, поляковъ, сербовъ (-ма): kostmí, kośćmi, ствâрма (ствâр — вещь). Въ языкѣ польскомъ, какъ и въ русскомъ, господствуетъ вторичное азовое окончаніе. Азовыя формы вторгаются сюда и въ чешскомъ языкѣ, но тамъ онѣ не очень характерны: рядомъ съ kostem, kostech есть husím, husích (**гѫсь**), гдѣ í изъ **jé, já**. Въ другихъ падежахъ также видимъ вторженіе азовыхъ окончаній: польск. dłoń (рука) — dłoni, но и dłonie, чешск. dlaň — dlaně. И въ языкѣ верхне-лужицкомъ тоже есть азовое окончаніе e: kosće.

Еще приведу нѣсколько своеобразныхъ (вслѣдствіе смягченія) формъ творнаго падежа одиннаго числа въ сербскомъ языкѣ: ствâрју, кр̀вљу, глâђу[1]), кôшћу. Вмѣсто **ју**, бываетъ также, со сбоемъ на азовое склоненіе, кôстјôм. Еще творный падежъ примѣняется къ большинству надежей и усваиваетъ ихъ окончаніе **и**: кôсти, ствâри, которое можетъ затѣмъ въ областной рѣчи принимать обычный **м**, такъ что получается кôстим.

Въ ижевомъ склоненіи были первоначально также слова мужескаго рода, какъ **пѧть**, отличавшіяся по окончаніямъ отъ женскихъ только въ двухъ падежахъ: одинномъ твôрникѣ — **пѧтьмь** и мнôжномъ назывникѣ — **пѧтние (-ье)**. Окончанія эти позднѣе, вслѣдствіе звуковыхъ измѣненій, перестаютъ быть характерными, напр. польск. ludzie, чешск. lidé, а въ другихъ случаяхъ примѣняются къ еровымъ, напр., посербски пŷтем или пŷтом, порусски — пути. Отмѣтимъ еще сербское областное љŷђи (вм. обыкновеннаго љŷди), гдѣ ђ сохраняетъ память о старинномъ *љŷђе, изъ *љŷдје = **людие** или **людье**. Отмѣтимъ, какъ слѣдъ первоначальнаго ижеваго склоненія, еще сербскіе винильники: љŷди, гôсти при обыкновенныхъ -де, -сте.

Нѣкогда характерные для ижеваго склоненія (хотя не только въ мужескомъ родѣ) окончанія **ни** и **ьми** — **людии, людьми** — отчасти стали замѣняться еровыми окончаніями, отчасти вторгались въ еровое склоненіе.

Мужескіе ижевки въ новославянскихъ языкахъ исчезли; одинъ русскій языкъ (и то въ народной рѣчи не вполнѣ) сохранилъ единственное слово путь-пути. Слова эти или переходили въ еровое склоненіе (правда, отчасти сами вліяя на него), напр. медвѣдь, -дя, посербски мêдвјед, -да, или же мѣняли мужескій родъ на женскій, напр. печать, -ти (посербски: пèчат, -та, мужескаго рода). Переходя въ еровое склоненіе, эти слова могли примыкать не только къ мягкому различію, но и къ твердому; такъ, почешски, рядомъ съ обычнымъ zet'-zetě (**ꙁѧть-ꙁѧти**), есть народное zet-zeta.

[1]) Слово глâд посербски обыкновенно женскаго рода.

Уже въ староцерковномъ (можетъ быть, даже уже въ праславянскомъ) встрѣчается вторичное еровое склоненіе, напр. **огнь-огня**, рядомъ съ чѣмъ лишь изрѣдка читается **огни**, соотвѣтственно литовскому ugnis, латинск. ignis, древнеинд. agnis.

У большинства мужескихъ ижевокъ ихъ первоначальное склоненіе, и помимо дѣйствительно встрѣчающихся встарину ижевыхъ формъ, можетъ быть опредѣлено по присутствію неизмѣнныхъ согласныхъ зубныхъ и губныхъ, которые, при давнишней принадлежности къ мягкому различію ероваго склоненія, подъ вліяніемъ тамошняго j (или i̯), подверглись бы смягченію: не было бы староцерковныхъ **ꙁѧть**, **медвѣдь**, **голѫбь**, **чрьвь**, русскихъ зять, медвѣдь, голубь, червь, чешскихъ zet', medvěd, а было бы: **ꙁѧшть**, **медвѣждь**, **голѫблѣ**, **чрьвлѣ**; зяч, медвѣж, голубль, червль; zec, medvěz.

Нѣкогда, но только въ древнѣйшей праславянщинѣ, можно думать, имѣлись въ ижевомъ склоненіи и слова средняго рода. Таково было, перешедшее затѣмъ по своей формѣ въ женскій родъ, двойное число къ словамъ **око**, **оуесе** и **оухо**, **оушесе**: **оуи**, **оуию (-ью)**, **оуима**; **оуши**, **оушию (-ью)**, **оушима**. Ср. литовскія akis и ausis и лат. auris — женскаго рода. Отмѣтимъ сохраненіе своеобразныхъ давально-творниковъ: очи́ма, уши́ма у малороссовъ и бѣлоруссовъ, а также у чеховъ и поляковъ. (И сербы говорятъ ȍчима, ȕшима, но у нихъ **има** не характерно — ср. кȍстима и jȅленима).

Еще, вѣроятно, перешло въ женскій родъ изъ средняго слово **соль**, при среднеродныхъ готскомъ salt и латинск. sal.

Также **срьдьце** и **море**, надо полагать, когда-то принадлежали сюда, въ видѣ ***сьрдь** и ***морь**. Ср. литовск. szirdis женск. рода и лат. marĕ, гдѣ e изъ i (множинà — maria).

Естевое склоненіе.

Древнія согласныя основы уже въ праславянскомъ языкѣ имѣли мало характерныхъ окончаній, а въ новыхъ славянскихъ таковыхъ сохранилось еще меньше. Вообще можно сказать, что наращальнаго склоненія, какъ особаго типа, нѣтъ нигдѣ.

Обращаетъ на себя вниманіе рядъ чешскихъ рόдныхъ падежей на **e**: kamene, kořene и т. д. Довольно твердо держится въ славянскихъ языкахъ рόдникъ отъ **дьнь** — **дьне**: сербское днȅ (обыкновенно — дȃна), словенское dné, чешское dne. Кое-гдѣ можно указать назывникъ **камы**, рѣдкій уже въ староцерковномъ: областная сербская рѣчь имѣетъ кȁми рядомъ съ обычнымъ кȁмêн; въ полабскомъ было komój.

Въ русскомъ языкѣ эновое различіе сбилось на ижевое склоненіе, а потомъ на еровое, и далѣе развилась подражательная бѣглость: камень, камени, позже каменя и камня.

Сохраннѣе мужескаго рода — средній, хотя и здѣсь почти нѣтъ характерныхъ окончаній. Попольски, вслѣдствіе расширенія **е** въ **о**, получается своеобразное склоненіе: imię, imenia и множ. imiona: въ одинномъ числѣ видимъ мягкое различіе, во множномъ — твердое.

Такое же колебаніе попольски, а также и почешски, представляетъ различіе твердовое: cielę, cielęcia — cielęta, cieląt; tele, telete— telata, telat.

Менѣе консервативно различіе слововое: **небо — небесе**, которое почти всегда идетъ по оновому склоненію, исходя отъ называнновинильнаго падежа, что̂ встрѣчается уже въ древнѣйшихъ староцерковныхъ рукописяхъ. Однако порусски есть одно исключеніе: колесо, произошедшее изъ косвенниковъ — по древнему **коло, колесе**. У большинства же славянъ — коло, кола, а множное число кола, вм. колеса, въ смыслѣ повозки, видно, — уже праславянское. Наши архаизмы небеса, чудеса скорѣе всего можно объяснить заимствованіемъ изъ церковнаго языка, въ пользу чего особенно свидѣтельствуютъ ро̂дные падежи: небес, чудес съ **е**, а не съ **ё**. Но такое объясненіе, конечно, не годится для польскаго архаизма niebo — niebiosa. Въ словенскомъ языкѣ эсовое различіе развито сильно и наращеніе даже перешло на слова, первоначально его не имѣвшія: perô, perésa рядомъ съ архаичными slovô, slovésa (значитъ «прощальное слово», «прощаніе», а «слово» — beséda), drevô, drevésa. Но слово небо — nebô имѣетъ наращеніе лишь въ числѣ множномъ: nebésa, а въ одинномъ — nebâ, nébu, nébom.

Различіе рцо̂вое или ѳровое представлено только двумя словами: **мати** и **дъшти**, русск. мать и дочь. Первое слово въ новославянскихъ языкахъ не разъ является въ измѣненномъ видѣ. Такъ, чехи охотно говорятъ matka, вм. máti, а у поляковъ употребляется только matka. (Mać, родн. macierze — рѣдкій архаизмъ). У болгаръ и сербовъ слово мать является въ видѣ производнаго майка, ма̑јка; но у сербовъ есть и ма̏ти, родн. ма̏терē. Mâti, mâtere видимъ и у словенцевъ.

Слово **дъшти** также сохранило отчасти древнее окончаніе **и**: имѣемъ сербск. ћӣ, словенск. hči, старочешск. dci, сѣверновеликорусское доцй. У болгаръ дъщти сохранилось только какъ падежъ зовный, обыкновенно же говорится дъщеря̂ — очевидная новотворка ко множинѣ дъщерй. Въ польскомъ языкѣ возникло нѣсколько иное, но также азо̂вое, có̂ra, замѣнившееся потомъ черезъ có̂rka (**дъштерька**: его не слѣдуетъ ставить рядомъ съ русскимъ дочурка); впрочемъ, поэты и простонародье донынѣ употребляютъ слово córa. Съ польскимъ córa (если не считать количества начальнаго слога) тождественно обыкновенное чешское dcera.

Вѣдовое различіе — типъ **цръкы-цръкъве** — уже въ староцерковномъ, кромѣ ижевыхъ формъ, усвоило себѣ также азовыя: **цръкъвамъ, -вами, -вахъ** и **-вама**, и въ новославянскихъ языкахъ не разъ

переходитъ не въ ижевое склоненье, а въ азовое. Такъ, порусски народная рѣчь, вм. церковь, знаетъ и церква, чему соотвѣтствуетъ сербск. цр̂ква; и въ литературной рѣчи господствуютъ буква, тыква.

Особое положенье занимають слова **кръвь** и **бръвь**, чуждающіяся азовыхъ окончаній и образующія по ижевому склоненію: **кръвьмъ, -ьми, -ьхъ, -ьма.**

Вспомнимъ, что древнее окончаніе одиннаго назывника было **ы**: **црькы, любы, свекры**; послѣднее сопоставимъ съ древнеинд. ṡvaṡrū-s. Однако **кръвь** и **бръвь** въ староцерковномъ имѣютъ лишь эту, ижевую, форму, а не ***кры** и ***бры**, каковыя формы надо предполагать для праславянскаго; ср. др. инд. bhrū-s, греч. *ὀ-φρῦ-ς*. Kry встрѣчается въ старопольскомъ, а въ видѣ krî донынѣ существуетъ въ словенскомъ. Сербскій языкъ имѣетъ архаическое, несклоняемое, љу̂би=**любы** (возлюбленная, супруга), а народная русская рѣчь знаетъ свекры́, при обыкновенномъ свекровь. Въ областной сербской (чакавско-хорватской) рѣчи отмѣчены такія формы, какъ buki=**боукы** (буква), tiki=**тыкы** (тыква).

Словенское krî и русское свекры́ служатъ и для винильника. Это не то — назывники въ роли винильниковъ, не то — древнія формы на -ūm, равныя санскритскому ṡvaṡrūm, греч. *ὀφρῦν*; послѣднія, впрочемъ, чуть ли не представляютъ раннихъ новотворокъ, вм. ṡvaṡrūvam, **ὀφρύα*, праязычныхъ sṷekrūṷm, bhrūṷm, давшихъ пославянски **свекръвь** и **бръвь**, совпадавшія съ винильниками ижевыми.

Существованіе староцерковныхъ винильниковъ на **ы** подвергаютъ сомнѣнію.

Лично-возвратное склоненіе.

Мѣстоименіе перваго лица во всѣхъ славянскихъ языкахъ имѣетъ **j**, который, очевидно, былъ и въ праславянской рѣчи: только въ староцерковномъ почти всегда—**азъ**, а не **ıазъ**, и поболгарски аз. У словенцевъ jest представляетъ не совсѣмъ понятное **е**, а произошло, повидимому, изъ **ıазъ+тъ**. Во всѣхъ другихъ языкахъ, какъ порусски,—ja, хотя встарину и русскіе, и чехи, и поляки знали jaz. Отпаденіе **з** нѣсколько странно, но, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что, при естественной склонности къ упрощенію словъ, здѣсь назывный падежъ не поддерживался косвенниками.

Родный падежъ — **мене**. Съ незначительными измѣненіями въ удареніи и фонетикѣ, форма эта сохранилась у южныхъ славянъ и у малороссовъ. У поляковъ, чеховъ и лужичанъ родный падежъ приноровился къ давальному и творному безгласностью корня: чешск. mne, польск. mnie, в.-луж. mnje, н.-луж. mnjo. Обыкновенная русская форма «меня» образовалась подъ вліяніемъероваго склоненія, а, можетъ быть, подъ вліяніемъ древняго винильника мя (**мѧ**). Могли вліять и оба образца.

Падежъ давальный — **мънѣ**, но неизвѣстно въ точности, какой здѣсь былъ глухой. Творный падежъ **мъноѭ** не разъясняетъ дѣла, такъ-какъ самъ находится, вѣроятно, подъ вліяніемъ давальнаго. Западнославянскіе языки во 2 лицѣ и у мѣстоименія возвратнаго представляютъ широкую огласовку: польскій tobie, sobie, чешскій — tobě, sobě. То же самое находимъ и въ русской народной рѣчи: тобѣ, собѣ, помалорусски: тобі, собі.

Во множномъ числѣ отмѣтимъ болгарскій видъ назывника: **ни**, вм. **ми (мы)**; и, конечно, — плодъ примѣненія къ другимъ падежамъ. Болгарская форма **ни**, = староцерков. **ны**, служитъ также слабой формой винильника; у сербовъ эта форма звучитъ **не** (ср. јунáке, вôде, вм. **юнакы, воды**). Въ соотвѣтствіи съ **ни, не**, находятся **ви, ве**. Вообще, однако, этотъ винильникъ замѣняется рôдникомъ нас, вас, хотя старый періодъ славянскихъ языковъ знаетъ **ны, вы**. Слабыя формы мѣстоименій есть и въ одинномъ числѣ — **ма, та, са**; однако въ старыхъ памятникахъ эти формы употребляются и съ фразнымъ удареніемъ, напр.: **вѣроуите въ бога, и въ ма вѣроуите; тебѣ юдиномоу кланѣти са, та прославити; не на са надѣюмъ са, нъ на бога**, слѣдовательно, онѣ первоначально не были энклитиками.

Безчленные прикладки.

Къ именному склоненію принадлежатъ и прикладки именной или безчленной формы, по значенію — неопредѣленные. Въ полномъ видѣ это склоненіе въ новославянскихъ языкахъ не сохранилось, а уцѣлѣло лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ, упорно держится прикладокъ **радъ, рада, радо**, — правда, имѣющій только назывные падежи. У сербовъ сохранились и теперь неопредѣленные прикладки, но именныя окончанія часто замѣняются сложными, и въ этомъ случаѣ различіе опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ прикладковъ сказывается лишь въ удареніи:

	зѐлен, зелѐна, зелѐно и
	зѐлени̑, зѐлена̑, зѐлено̑;
родн. и дав. пад.:	зелѐна, зелѐну и
	зѐленôга, зѐленôму;
вин. женск.:	зелѐну и зѐлену̑;
множ. наз.:	зелѐни, зелѐна, зелѐне и
	зѐлени̑, зѐлена̑, зѐлене̑;
множ. вин.:	зелѐне, зелѐна, зелѐне и
	зѐлене̑, зѐлена̑, зѐлене̑[1]).

[1]) Такая акцентовка соотвѣтствуетъ русской: зеленá и зелёная, зеленó («зеленó вино») и зелёное. Зѐлен=русск. зелён, а не обычному зѐлен.

Примѣры на тождество окончаній: под зѐленйм дрветом (деревом) и под зелѐнйм др., зѐленôм трâвôм и зелѐнôм трâвôм. Также образуютъ, напр., какъ формы неопредѣленныя: зелѐнôга, -ôму.

У словенцевъ опредѣленные и неопредѣленные прикладки различаются только оттѣнками звука и удареніемъ[1]), особыя же окончанія сохранились только въ одинномъ назывникѣ мужескаго рода:

zêlen dob, zeléni dob;
zelêna lípa, zeléna lípa;
dóber mož, dóbri mož;
dôbra žêna, dóbra žêna и т. д.

Поболгарски различіе между опредѣленными и неопредѣленными окончаніями существуетъ только въ одинномъ числѣ мужескаго рода: дóбър и добрѝ.

Порусски безчленные прикладки сохраняются лишь въ роли сказуемаго (она добра и т. п.), да въ немногихъ выраженіяхъ, какъ средь бѣла дня, на босу ногу. То же самое у чеховъ, которые еще чаще русскихъ сбиваются на членовую форму, даже для сказуемаго. Впрочемъ, встарину у нихъ были неопредѣленныя формы.

Поляки употребляютъ лишь нѣкоторые отдѣльные назывники, напр. zdrów, zdrowo (въ женск. родѣ zdrowa количество утрачено, и неясно, какая это форма: полная или краткая). Еще рѣже именныя формы встрѣчаются у сербовъ-лужичанъ.

Мѣстоименное и прикладочное (сложное) склоненія.

Въ мѣстоименномъ склоненіи въ новое время видны заимствованія изъ склоненія сложнаго и наоборотъ, такъ что разница между ними болѣе-менѣе сглаживается. Родный падежъ: самого, єго и добраєго, затѣмъ добраєго, -ааго и, наконецъ, -аго. Форма добраєго съ іотомъ въ староцерковныхъ памятникахъ не встрѣчается. Въ болгарскомъ языкѣ, хотя склоненіе почти утрачено, сохраняется древнее окончаніе ого, напр. тогó-зи българина; это «ого», а также варьянтъ его «его» переносилось и на прикладки: есть выраженіе «на светóго Ивáна» и областныя формы въ родѣ дóброго, дóбрего. Тѣ же ого и его перенесены на прикладки и въ русскомъ языкѣ (аго нѣтъ уже въ старѣйшихъ грамотахъ, и теперешнее аго — лишь написаніе на славянскій ладъ). Насчетъ странной замѣны г черезъ в здѣсь не будемъ распространяться. Посербски имѣемъ ôга, гдѣ звукъ о идетъ изъ мѣстоименнаго склоненія, а долгота изъ сложнаго[2]); конечный же звукъ — изъ именного склоненія. По-

[1]) Главнымъ образомъ двоякостью звуковъ е и о: е широкаго, близкаго къ а (ê), и узкаго, близкаго къ і (é); о, близкаго къ а (ô), и о, близкаго къ u (ó).

[2]) Въ окончаніяхъ сложнаго склоненія славянскіе языки (поскольку знаютъ количество гласныхъ), вслѣдствіе стяженія, представляютъ долготу.

чешски ého, попольски ego: dobrého, dobrego. Эти окончанія, можетъ быть, взяты изъ мягкаго различія мѣстоименій, а, можетъ быть, образовались фонетически, т.-е. аего при стяженіи давало то а̄го, то ē̄го, въ зависимости отъ ударенія (напр. такъ: зъла́его — зла̑го, а до̏браего — добрēго), а потомъ одно изъ окончаній проводилось повсюду. У поляковъ ego вызвало samego, вм. samogo, — вообще у нихъ это окончаніе обобщено, кромѣ одной формы kogȯ (также nikogo).

Давальный падежъ: **самомꙋ, ѥмоу, доброумоу** изъ **доброуоумоу, доброуемоу, доброуѥмоу**. Мѣстоименное окончаніе ому въ русскомъ и сербскомъ языкахъ перенесено также на сложное склоненіе. Въ сербскомъ — ōму: до̏брōму, — долгота идетъ изъ сложнаго склоненія. Чехи и поляки имѣютъ emu: dobrému, dobremu, перенесенное у послѣднихъ и на мѣстоименія. (Могло, впрочемъ, здѣсь влiять и мягкое различіе мѣстоименій). Опять-таки kto сохранило и попольски древнюю форму komu (и nikomu).

Творный падежъ въ мѣстоименномъ склоненіи кончается на **ѣмь**, въ сложномъ — на **ꙑимь, ꙑмь: самѣмь, добрꙑимь, -ꙑмь**, а мѣстный — на **омь** и на **ѣемь, ѣмь: самомь, добрѣемь, -ѣмь**. Въ болѣе новое время одинаковое окончаніе м приводитъ къ сближенію этихъ падежей, при чемъ обыкновенно мѣстный подчиняется творному, напр. попольски къ ten, to образуютъ tym; посербски, въ южномъ говорѣ, по примѣру са́мијем говорятъ и до̏бријем, вм. до̏бри̑м.

Въ женскомъ родѣ иныя окончанія, послѣ стяженія у прикладковъ, разнятся лишь по количеству: **сама, добраꙗ** и **самѫ, добрѫѭ** даютъ посербски са́ма, до̏брā, са́му, до̏брӯ, почешски — sáma, dobrá, sámu, dobrú (теперь dobrou). Въ сложномъ склоненіи съ винильникомъ совпадаетъ творникъ, а въ мѣстоименномъ они различаются такъ же, какъ въ именномъ: сербск. са́мо̑м при са́му, чешск. sámú (-ou) при sámu, польск. samą при samę. Родный падежъ: **самоѩ** (въ праславянскомъ съ разновидностью самојѣ) и **добрꙑѩ** (добрыјѣ). Наши усѣченныя самой и доброй, первое — удержало, а второе переняло мѣстоименное **о**. Сохраннѣе народное самоё (употребительное и въ литературной рѣчи въ роли винильника), гдѣ **о**, вм. **ӓ**, идетъ отъ мужеско-средняго самого̨, и малорусское до́брої (также само́ї). И сербское до̏брē, сходное съ са́мê, д. б. вышло не изъ **добрꙑѩ**, а изъ доброје̨, съ мѣстоименнымъ **о**. Въ мягкомъ различіи видимъ прикладочную форму **синꙗꙗ** съ разновидностью **сини̑ѣјѣ** и ихъ отраженія. Дательно-мѣстный падежъ звучалъ **самои** (въ мягкомъ различіи: **моѥи**) и **добрѣи** (**велицѣи, мънозѣи, ветъсѣи**, а въ мягкомъ различіи **сини̑и**); опять-таки русск. доброй и сербск. до̏брōј усвоили себѣ мѣстоименное **о**. Взаимодѣйствіе роднаго и дательно-мѣстнаго, м. б. не безъ участія мѣстоименнаго ојѣ, породило польск. dobrej и чешск. dobré. Дательно-мѣстный,

а иногда и родный, почешски звучитъ также dobréj, а встарь было dobřéj, со смягченіемъ (имѣлись и velcéj, mnozéj, sušéj и т. п.).

Во множномъ числѣ мы видимъ назывникъ мужескаго рода сами, добрии, вин. самы, добрыя (-ыјѧ), наз.-винильн. средняго рода сама, добраѧ, наз.-винильн. женск. самы, добрыя (-ыјѧ); въ мягкомъ различіи мужескій винильникъ и женскій назывно-винильникъ моѧ, синяя (моіѧ, синѣјѧ). Посербски: мужескій родъ са́ми, до̏бри̑ (вин. са́ме, до̏брē); средн. родъ са́ма, до̏брā; женск. родъ са́ме, до̏брē; почешски: sámi, dobří; sáma, dobrá; sámy, dobré. Польскія sami, dobrzy, wielcy, młodzi и т. д., служащія только для мужескихъ именъ личныхъ, вслѣдствіе утраты долготы совпадаютъ съ формами именными. Мужескія неличныя, женскія и среднія формы — same, dobre (=чешск. dobré, изъ добрыјѧ). Чешское dobré употребляется и для мужескихъ неодушевлёнокъ, а въ просторѣчіи также для средняго рода. Порусски встарину было добрии (вин. добрыјѣ), добраја, добрыјѣ, теперь во всѣхъ родахъ безъ различія добрые, -ыя или -ыи. Съ послѣдней, на письмѣ недопускаемой, формой сравнимъ винильно-назывники «столы» и «мои».

Въ косвенникахъ мѣстоименія представляютъ ѣ: самѣхъ, -ѣмъ, -ѣми (порусски: тѣх, тѣм, тѣми), а прикладки -ыи, стягиваемое — не разъ уже въ староцерковномъ — въ ы: добрыихъ, -ыимъ, -ыими или добрыхъ, -ымъ, -ыми. При мягкости окончаній: моихъ, -имъ, -ими; синиихъ, -иимъ, -иими или синихъ, -имъ, -ими. Въ языкахъ количественныхъ здѣсь, конечно, долгота: посербски — до̏бри̑х, -и̑ма, почешски: dobrých, -ým, -ými; си̑њи̑х, -и̑ма, národních, -ím, -ími.

Южные сербы ятевыя окончанія — са́мијех, -ијем — переносятъ и на мягкое различіе: на̏шијех, -ијем и на прикладки: до̏бријех, -ијем. Порусски, наоборотъ, — д. б. не безъ вліянія, уцѣлѣвшей здѣсь и ставшей общею, мужеской формы сами — говорится самих, -им, -ими. Также въ одинномъ творникѣ является, съ одной стороны, южносербское на̏шијем, а съ другой — русское самим.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстоименіяхъ. Отмѣтимъ творный падежъ лично-вопроснаго мѣстоименія къто, который уже въ староцерковномъ обыкновенно не звучитъ цѣмь (срав. тѣмь отъ тъ), а замѣняется формою кынимь, отъ кыи, кое, каѧ — который. При русскомъ мѣстоименномъ кѣм (съ возстановленнымъ изъ другихъ формъ к), всѣ другіе языки представляютъ звуковыя разновидности староцерковнаго кынимь, кымь: почешски kým, попольски kim и т. д.

Родный падежъ предметно-вопроснаго мѣстоименія чьто — чесо или чьсо — у нѣкоторыхъ славянъ сохраняется: у словенцевъ čésa, у сербовъ че̏са, рядомъ съ че̏га. Славяне сѣверозападные

употребляютъ **чьсо** въ качествѣ называно-винильнаго падежа: čso, изъ чего затѣмъ со. Любопытный архаизмъ представляетъ приморско-хорватское ča, равное староцерк. **чь**, первому элементу въ **чьто**, и обычное у многихъ славянъ, въ соединенiи съ предлогами, безсложное č, напр. почешски **zač** за что.

Мѣстоименiе третьяго лица имѣетъ формы сильныя (полновѣсныя) и слабыя или энклитичныя: польскiя jego, jemu и go, mu, чешское jeho, jemu, ho, mu. Родный падежъ часто замѣняетъ и винильный. Нѣкогда общей формой для послѣдняго была **и**, теперь ея нѣтъ, остались только слѣды въ старопольскомъ ji, въ чешскомъ jej=j (i) съ прибавленнымъ изъ другихъ падежей je. Древняя форма **нь** (јь съ приставшимъ къ нему носовымъ исходомъ нѣкоторыхъ предлоговъ) въ новыхъ славянскихъ языкахъ сохранилась: чешск. vеň, сербск. вâњ. Тотъ же **н** присталъ къ мѣстоименiю и въ другихъ предложныхъ соединенiяхъ, какъ порусски «у него», «с ним», а у южныхъ славянъ сталъ даже непремѣнною принадлежностью всѣхъ сильныхъ формъ: серб. њѐго, њѐму, словен. njêga, njêmu, болг. него́, нему́ и т. д. Также и ју посербски употребляется только какъ слабая форма винильн. падежа женскаго рода, обычно же њу̑. Въ падежѣ творномъ чехи и поляки любятъ употреблять звукъ **н**: ním, nim, nimi; такое предпочтенiе этому звуку объясняется почти постояннымъ употребленiемъ творнаго падежа съ предлогомъ.

Съ русской точки зрѣнiя не мѣшаетъ вспомнить староцерковный видъ среднероднаго винильника, **ѥ**, до сихъ поръ употребительный у чеховъ и у поляковъ, а также донынѣ весьма распространенный въ своихъ звуковыхъ отраженiяхъ женскiй винильникъ **ѭ**, **нѭ**.

Причастiя.

Изъ глагольныхъ формъ въ новославянскихъ языкахъ пострадали преимущественно причастныя, а между личными — простыя прошедшiя.

Вовсе утратилось и уцѣлѣло лишь въ видѣ нѣсколькихъ прикладковъ терпное причастiе настоящное: **несомъ** и т. д.; только русская книжная рѣчь охотно образуетъ его отъ глаголовъ азовыхъ и ижевыхъ: получаемый, любимый, рѣдко отъ естевыхъ, какъ несомый. По значенiю эти формы не разъ сбиваются на прикладки; а въ народной рѣчи и у другихъ славянъ сохранилось лишь по нѣскольку формъ именно въ такомъ употребленiи, напр., зна́мо дѣло, попольски znajomy — извѣстный.

Дѣйныя причастiя склоняемыя почти вездѣ обратились въ дѣепричастiя или, какъ я предпочитаю говорить, въ «па́причастки».

Въ русскомъ языкѣ причастія — формы книжныя, на что у настоящныхъ причастій указываетъ уже звукъ «щ», вм. русскаго «ч»: знающій, любящій.

Пáпричастки застыли въ формѣ мужеско-средняго рода или же женскаго; послѣдній нерѣдко подвергается усѣченію. Вм. староцерковнаго ѧ, по образцу другихъ глаголовъ, является а (конечно, въ своихъ замѣнахъ), вм. ѧшти — ѫшти. Порусски: неся; идя, идучи; стоя, стоючи (ср. стоячій); встарь: неса, ида, мога. Пословенски: stojé, molčé; чаще — -oč, -eč: nesóč, delajóč, ležéč; nesejóč, neséč, nesejéč, ležóč. Посербски встарь иногда е: пáсе, староцерк. пасы; теперь всегда — ӯħи, ēħи (ӯħ, ēħ): плѐтӯħи, нòсēħи, гòрēħи; плѐтӯħ, нòсēħ, гòрēħ; склоняемыя формы, вродѣ тѐкӯħâ вòда — проточная вода, рѣдки. У болгаръ имѣются лишь областныя, впрочемъ вводимыя и въ литературу, формы, какъ метéешти, метéеки. Только по смыслу сюда относятся нарѣчія въ формѣ творнаго падежа: игрéшком, плетéшком, бѣжишкóм. У чеховъ родовой пáпричастокъ: nesa (муж., а встарь и средній родъ), nesouci (женскій и средній, а прежде только женскій родъ); множное число, вслѣдствіе звукового совпаденія, для всѣхъ родовъ nesouce. Nesouci и nesouce могутъ усѣкаться въ nesouc, въ какомъ видѣ появляется общая форма, настоящій пáпричастокъ. При мягкомъ окончаніи мы видимъ: hledě, hledíci, -íce, -íc. Попольски: plotąc, czytając, lubiąc, lecąc, prosząc; встарь изрѣдка — ęcy: morzęcy. Поверхнелужицки: plećo, pytajo; ducy, pytajucy, plećicy. Понижнелужицки: pletucy, pijucy, chwalecy.

Прошлостный пáпричастокъ. Порусски въ формѣ женскаго рода, а по литературному и въ мужеской: знавши, знав; любивши, любив; сдѣлало завоеванія «в» насчетъ коренныхъ «д» и «т»: укравши, съѣвши, обрѣвши, хотя есть обрѣтши, сплетши, приведши. Пословенски встрѣчаемъ rekši, skrívši, что, однако, почти или вовсе чуждо народной рѣчи. Посербски -вши и -в, послѣднее только для мужескаго рода: нòсивши, нòсив; ѝгрâвши, ѝгрâв; нѐсâвши, нѐсâв. Встарь было дòшад, вàзам (дошьдъ, въѕьмъ), вм. чего теперь дòшâвши, дòшâв; ӯзѐвши, ӯзѐв. У болгаръ это причастіе вовсе утрачено. Почешски: volav, volavši, volavše; piv, pivši, pivše; plet, pletši, pletše. Попольски: zabiwszy, встарь также zabiw; формы въ родѣ pogrzebszy, przywiodszy ошибочно стали производить отъ элеваго причастія и писать, вм. простого szy, — łszy. У верхнихъ лужичанъ: pytawši, plećiwši, njesywši. У нижнихъ лужичанъ утрачено.

Супинъ и инфинитивъ.

Супинъ уцѣлѣлъ теперь лишь у словенцевъ и у нижнихъ лужичанъ; встарину былъ въ полномъ ходу у русскихъ и у че-

ховъ. Пословенски, напримѣръ, pít, kôsit, hválit, péč; понижнелужицки: pit, njast, pjact. У чеховъ уцѣлѣло выраженіе: jdu spat и нѣкоторыя другія.

Инфинитивное окончаніе есть **ти**, въ сліяніи съ кореннымъ «к» — **шти**, ћи, чи, ци: **играти**, **пешти**, сербск. пѐћи, русск. печй, чешск. péci. Оно часто подвергается усѣченію: русск. играть, печь и т. п. У чеховъ въ просторѣчіи всегда t, вм. ti: znát, prosit, вм. znáti, prositi; рѣже у сербовъ. Въ обыкновенной русской рѣчи почти всегда безсложное т, а -ти только подъ удареніемъ; однако у малороссовъ и бѣлоруссовъ чаще -ти, -ци. Въ словенскомъ усѣченный инфинитивъ могъ бы совпасть съ супиномъ, но они различаются по ударенію: вышеуказаннымъ супинамъ соотвѣтствуютъ иноударные и краткостные инфинитивы: pít, pèč, kosít, hvalít (полныя формы: píti, pêči, kosíti, hvalíti). Почешски, какъ мы и ожидаемъ, наоборотъ, усѣченный инфинитивъ, такъ же какъ и полный, представляетъ долготу: spát. У поляковъ и лужичанъ всегда безсложныя окончанія: pić, piś; nieść, njesć, njasć; piec, pjec, pjac.

У болгаръ инфинитивъ утраченъ и живетъ лишь въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, въ сильно укороченномъ видѣ: не мо́гѫ зе́ (**вѫзати**), мо́жеш ли испи́? Еще мы встрѣтимъ его въ составѣ будущаго времени: игра́щеш — будешь играть. Обыкновенно же онъ замѣняется личною формою съ союзомъ «да» (чтобы): учи́ дѣте́то си да чете́ — учи дитя свое читать. Этой замѣной охотно пользуются и сербы, говоря напр., вмѣсто хо̏ћу спа̑ти, хо̏ћу да̀ спи̑м.

Настоящее время.

Въ 1 лицѣ од. ч. вездѣ, кромѣ русскаго языка (въ областной рѣчи даже и тамъ), сдѣлала бо́льшія или меньшія завоеванія флексія -**мь**, заимствованная у глаголовъ безсуффиксныхъ: **дамь**, **ѩмь**, **вѣмь**, **имамь**. Въ польскомъ -**m** господствуетъ у глаголовъ азо́выхъ: wołam (wołać — звать), gram, а затѣмъ есть śmiem да umiem. У чеховъ, кромѣ азовыхъ глаголовъ, **m** господствуетъ еще у ятевыхъ и у ижевыхъ: dělám, umím, prosím. У словаковъ **m** переходитъ и на естевое настоящее: idem. У лужичанъ вродѣ того, какъ у поляковъ: pytam, dźěłam (źěłam), у верхнихъ лужичанъ также směm; впрочемъ, въ областной рѣчи -**m** появляется у всѣхъ глаголовъ: вм. pletu — plećem, pleśom, вм. chwalu — chwalim. У болгаръ видимъ только -ам, и то не у всѣхъ глаголовъ: дѣлам — обрубаю, но игра́ѭ. Однако мѣстная рѣчь (македонская) знаетъ йдам, во́зам, вм. йда, во́за (йдѫ, во́зѫ, во́зѭ, кожѫ). У сербовъ вездѣ а̄м, ӣм, е̄м: игра̄м, лѐти̑м, мо̏ли̑м, нѐсе̑м. На -у кончаются только: хо̏ћу (ћу), мо̀гу, вѐљу говорю и ви̏ђу; да и то мо̀гу имѣетъ при себѣ по̀може̑м, а вѐљу и ви̏ђу — вѐли̑м, ви̏ди̑м. Пословенски всегда

-am, -im, -em: igrám, gorím, nêsem; только встарину попадаются единичные примѣры на о=ж.

2 л. од. ч. Вездѣ, кромѣ церковнославянскаго, является безсложное окончаніе -ш, которое вслѣдствіе этого, въ видѣ -шь, д. б. слѣдуетъ признать праславянскимъ, тѣмъ болѣе, что именно -шь, а не -ши, правильно соотвѣтствуетъ санскритскому и праязычному -si: bhárasi, bhéresi.

3 л. од. ч. повсюду (кромѣ нѣкоторыхъ областныхъ болгарскихъ формъ и кромѣ русскаго языка, который, однако, въ областной рѣчи отчасти примыкаетъ къ общему теченію) утратило флексію и равно основѣ, напр. посербски: игра̑, лѐти̑, плѐте̑; попольски: gra, leci, plecie. Помалорусски: плете́, но про́сить.

1 л. множнаго числа. Кромѣ -м, изъ -мъ, имѣемъ -ме, какъ болгарское и чешское, -мо, какъ сербское, словенское и малорусское, -my, какъ польское и лужицкое. (Еще бо́льшее разнообразіе въ областной и старинной рѣчи мы здѣсь оставимъ безъ вниманія). Му, конечно, — плодъ примѣненія къ соотвѣтственному мѣстоименію; мо, которое у малороссовъ съ грѣхомъ пополамъ можно, а пожалуй и должно, выводить изъ мъ, у сербовъ и словенцевъ приходится возводить къ праславянскому мо, какъ разновидности мъ, равной латинскому mus, праязычному mos. (Это, конечно, невозможно, если держаться ученія, что os, черезъ us, переходило въ ъ). Ме, что̀ у чеховъ, но не у болгаръ, пожалуй, могло выдти изъ мъ, должно-быть представляетъ примѣненіе ко 2 лицу, съ его te. Мо у сербовъ и словенцевъ — постоянное: игра̑мо, igrâmo; лети̏мо, letímo (областн. letimȍ), у малороссовъ — преимущественное. Му, у лужичанъ исключительное, у поляковъ обязательно при одинномъ m: непремѣнно gramy, но pleciemy или pleciem. При тѣхъ же условіяхъ у чеховъ обязательно, тоже вездѣ допускаемое, me: hráme, но pleteme и pletem. Поболгарски ме является только при ѐмовой однинѣ: дѣ̀ламе, купу̀ваме, но плете́м, пече́м, гори́м. Впрочемъ, областная рѣчь знаетъ напр. и̏деме. (Еще ме является въ аористномъ и имперфектномъ хме: гори̏хме, горя̏хме).

2 л. мн. ч. почти не заслуживаетъ упоминанія, такъ-какъ разнообразится лишь нѣкоторыми звуковыми явленіями: попольски pijecie, полужицки pijeće, pijošo.

3 л. мн. ч. Какъ и въ одинномъ числѣ, t отпадаетъ, сохраняясь только у русскихъ да еще у болгаръ: плету̀т, горя́т, — въ областной рѣчи, а встарь повсемѣстно, т (ть): плетуть, горять; поболгарски: плетж̀т, горж̀т. По отпаденіи t, 3-ье лицо множнаго числа могло бы совпасть съ 1-мъ одиннаго, что̀ и замѣчается у лужичанъ, напр. ja pletu, woni pletu, поскольку не предупреждается новотворками, вродѣ уже отмѣченныхъ перволичій на m, напр. možem, možom, или третьеличными móža, либо móžeja, при перволичьи móžu. Въ другихъ языкахъ 3-е лицо, въ противоположность 1-му (должно быть, какъ слѣдъ прежней замкнутости слога), представляетъ дол-

готу, или слѣдъ ея: посербски мо̀гу и мо̑гӯ, почешски mohu и mohú (въ новочешскомъ mohu и mohou), píši и píší, попольски mogę и mogą, piszę и piszą, sądzę и sądzą.

Настоящее глагола **быти** въ большинствѣ новославянскихъ языковъ является въ сокращенномъ видѣ: пословенски — sem, si, je (при полномъ jest), smo, ste, so. So и соотвѣтственныя ему формы, равныя староцерковному **сѫть**, идутъ въ такомъ краткомъ видѣ отъ общеславянской и даже отъ праязычной поры. Поболгарски: съм, си, е, сме, сте, сѫ, почешски: jsem, jsi, je (и jest), jsme, jste, jsou (съ отрицаніемъ: nejsem, nejsi и т. д.; одинное 3-личье není, гдѣ ní = **нѣсть**, а не есть повторенное, для ясности, отрицаніе); поверхнелужицки: sym, sy, je, smy, sće, su, smój, staj, staj; пониженлужицки: som, sy, je, smy, sćo, su, stej, stej. У сербовъ во всѣхъ лицахъ различаются формы сильныя и произошедшія изъ нихъ (кромѣ 3 л. мн. ч.) слабыя; jѐсам — сам, jѐси — си, jѐст — je, jѐсмо — смо, jѐсте — сте, jѐсу — су. Съ отрицаніемъ:ниjѐсам, ниjѐси, нѝje, ниjѐсмо, ниjѐсте, ниjѐсу. Въ староцерковномъ было **нѣсмь, нѣси, нѣсть, нѣсмъ, нѣсте, нѣсвѣ, нѣста, нѣсте,** однако **не сѫть**, — **ѣ** былъ плодомъ, очевидно уже праславянскаго, стяженія двухъ **е** въ одно долгое. Попольски сохранились jest и są, остальныя же лица, встрѣчающіяся въ старѣйшую пору, сильно сократились, являясь въ видѣ em-m, eś-ś, śmy, ście, напр. wartem или jam wart (я достоинъ), warteś или tyś wart, wàrciśmy или myśmy warci, wàrciście или wyście warci.

Велительное наклоненіе.

Велительное обыкновенное. Въ обыкновенномъ велительномъ, которое можно назвать ижевымъ (или ижево-ятевымъ) — типъ **плети, плети, плетѣмъ, -ѣте, -ѣвѣ, -ѣта, пии, пии, пиимъ** и т. д., **лети, лети, летимъ** и т. д., примѣта **ѣ**, свойственная первичнымъ глаголамъ, сохранилась у болгаръ, малороссовъ и чеховъ, заходя притомъ и за свои первоначальные предѣлы, т.-е. къ глаголамъ съ настоящимъ ижевымъ («второго спряженія»): поболгарски плетѝ, плетѣте, летѝ, летѣте; помалорусс. плетѝ, плетíм, плетíте, летѝ, летíм, летíте; почешск. zdvihni, -něme, -něte, msti, mstěme, mstěte. Вмѣсто сохранности примѣты, видимъ также сокращеніе примѣты до неслоговости, до одного нёбнаго элемента или даже до нуля: болгарск. игра́й, -а́йте; сербск. ѝгра̑j, -а̑jмо, -а̑jте; слов. igràj, -ájmo, -ájte, -ájva, -ájta; малорусск. грай, -ймо, -йте, глянь, гляньмо, -ьте; польск. graj, grajmy, grajcie, nieś, nieśmy, nieście; чешск. hráj, -jme, -jte, nes, -smo, -ste.

У сербовъ, словенцевъ и великороссовъ **ѣ** замѣненъ черезъ **и**, т.-е. произошло примѣненіе множнаго числа къ одинному: плѐти, -имо, -ите; plêti, pletímo, -íte; повеликорусски: плетѝ, -ѝте. Безударное **и** мы сохраняемъ послѣ согласныхъ группъ: выжми, -ите,

стукни,- ите, тресни, -ите. То же было встарь у поляковъ: żni, żnimy, żnicie; mrzy, mrzymy, mrzycie; dźwigni, -imy, -icie; теперь, по образцу йотовыхъ глаголовъ, żnij, -jmy, -jcie; mrzyj, -jmy, -jcie; dźwignij, -ijmy, -ijcie. (Значитъ, тоже съ распространеніемъ і въ ущербъ ѣ).

Велительное йотовое, — типъ **даждь, дадимъ, -ите, -вѣ, -ита. Даждь** вездѣ замѣнено черезъ «дай»; впрочемъ, словенское dêj, можетъ быть, равно **даждь. Ѩждь, вѣждь** и **виждь** обыкновенно сохраняются: сербск. јеђ, виђ, пòвиђ; чешск. jez, věz, viz; польск. jedz, wiedz; словенск. jej. Смягченное d переносится также на множное и двойное число, напр., јеђмо, jezme, jedzmy. Таковы, можетъ быть, и словенскія dájmo, dájva, dájte, dájta.

Аористъ.

Аористъ уцѣлѣлъ у сербовъ, болгаръ и лужичанъ, но только хѣровый; чехи же, теперь вовсе утратившіе эту форму, встарину знали и безпримѣтный: jid, jidom, jidu; pohřeb, -bom, -bu. (U здѣсь, вѣроятно, было не долгое, а краткое).

Примѣры на сербскій и болгарскій аористъ: чу̑вах, -а, -а, -асмо, -асте, -аше; плѐтох, -осмо, -осте, -оше. 2-е и 3-е лицо однинѝ плѐте надо изъ-за его е считать (правда, нетипичнымъ) остаткомъ формы безпримѣтной. Окончаніе -смо, очевидно, явилось взамѣнъ -хом подъ вліяніемъ второличнаго -сте. (Областная рѣчь знаетъ формы въ родѣ плѐтомо, изъ плѐтохмо). Поболгарски: игра́х, игра́, -а́, -а́хме, -а́хте, -а́хѫ; плѐтох (плѐте), плѐтохме, -хте, -хѫ. Здѣсь, наоборотъ противъ сербскаго, во множинѣ 2-е лицо позаимствовалось у 1-го, а 3-ье взяло свое -ха (**хѫ**) у имперфекта. (Сербское -ше правильно отражаетъ древнее **шѧ**). Старочешскій хѣровый аористъ, подобно болгарскому, съ его -ха, представляетъ -chu; -chu мы видимъ и у лужичанъ, да и у поляковъ въ единичныхъ архаизмахъ старѣйшаго языка является -chǫ, т.-е. должно-быть -chę (или -chã, съ а краткимъ). У первичныхъ глаголовъ закрытаго корня западные славяне, примѣнительно ко 2-му и 3-му лицу однинѝ, по всѣмъ лицамъ провели е. Примѣры: старочешск. psach, psa, psa, psachom,- ste, chu, -chově, -sta,-sta; pletech (plete), pletechom, -este, -echu, -echově, -esta. Верхнелужицкія: napisach, napisa, napisa, -achmy, -ašće, -achu, -achmój, -aštaj, -aštaj; zaplećech, (-e, -e), -echmy, -ešće, -echu, -echmój, -eštaj, -eštaj; нижнелужиц.: napisach, -a, -a, -achmy, -ašćo, -achu, -achmej, -aštej,-aštej; zaplešoch (-o, -o), -ochmy, -ošćo, -ochu, -ochmej, -oštej, -oštej. Нижнелужицкое о, какъ видно изъ перехода t въ s, вторичное, вмѣсто е. Сравнимъ еще старопольскій архаизмъ ukradziechę.

Посербски сохранились остатки хѣрбваго аориста корневого: ріјех и ніјех, съ отпаденіемъ конечнаго согласнаго у корня и съ долготою — ѣ вм. е. Ср. церковносл. **рѣхъ**.

Вездѣ уцѣлѣлъ, хотя не безъ искаженій (подчасъ весьма значительныхъ), аористъ **бꙑхъ**, какъ знакъ условнаго (сослагательнаго) наклоненія.

Имперфектъ.

Древнія окончанія — **-ѣахъ** и **-аахъ**: **несѣахъ, любл҄аахъ, играахъ**: **-аахъ** является, какъ звуковой варьянтъ къ **-ѣахъ** (при смягченіи) и у глаголовъ азовыхъ. Нерѣдкія уже въ староцерковномъ, стяженныя формы въ болѣе новыхъ языкахъ рѣшительно господствуютъ. Постарорусски, съ обобщеніемъ азоваго окончанія, было: плетяхъ, -тяше, -тяше, -тяхомъ, -тясте, -тяху, -тяховѣ, -тяста, -тяста и т. п. Поболгарски: бодѣх, -ѣ́ше, -ѣ́ше, -ѣхме, -ѣхте, -ѣхѫ; ка́жах, -еше, -еше, -ахме, -ахте, -ахѫ; дѣлах, -аше, -аше, -ахме, -ахте, -ахѫ. Посербски, какъ слѣдъ стяженія, является долгота: чу̑ва̄х при аористѣ чу̑вах. (Различныя окончанія имѣются лишь въ двухъ формахъ: чу̑ва̄ше при чу̑ва и чу̑ва̄ху при чу̑ваше). Отмѣтимъ еще пѐча̑х, староцерк. **печаахъ**, и новотворки съ азовою примѣтой: нѐса̑х, плѐта̑х и т. д., вм. которыхъ въ южномъ говорѣ, съ сохраненіемъ древней примѣты **-ѣа-**: нѐсија̑х, плѐтија̑х, а по ихъ образцу также пѐција̑х. Восточный говоръ знаетъ эту примѣту только въ бе̏ја̄х, южномъ би̏ја̄х, староцерк. **бѣахъ**. (Рядомъ съ этимъ есть бе̏х, бје̏х — **бѣхъ**). Постарочешски также съ долготой: nesiech, pletiech, pečéch (позднѣй: nesích, pletích, pečích), dělách. У лужичанъ, особенно у верхнихъ, формы имперфекта (кромѣ 2-го и 3-го лица однинꙑ) часто совпадаютъ съ аористными: pisach, pisaše (нижнелуж. pisašo), dźělach, dźělaše (źělach, źělašo), аористъ napisach, napisa. Также pječech, pječeše, при wupječech, wupječe [1]). Понижнелужицки: pjacech и hupjacoch. У лужичанъ установилось правило образовывать аористъ только отъ глаголовъ совершеннаго вида, имперфектъ — отъ несовершенныхъ.

Формы описальныя.

1. Перфектъ (прошедшее совершенное) состоитъ изъ элеваго причастія и настоящаго времени помогальнаго глагола **бꙑти**: **пилъ юсмь, пилъ юси, пилъ юсть** и т. д., въ женскомъ родѣ: **пила юсмь** и т. д. Посербски: пи̑о сам, пи̑ла сам, пи̑ло сам, въ началѣ рѣчи: јѐсам пи̑о, пи̑ла, пи̑ло. Опущеніе помогальнаго глагола, ставшее порусски постояннымъ и превратившее элевое причастіе въ прошедшее время, вездѣ допускается въ 3-мъ лицѣ, у чеховъ же почти, а у поляковъ вполнѣ, обязательно (встарь онъ попадается еще и у поляковъ). Попольски являются уже встрѣчавшіяся намъ

[1]) Ср. старочешскій имперфектъ pečéch, при аористѣ pečech.

сильно сокращенныя формы, и получается такое спряженіе: piłem, -łam, -łom, -łeś, -łaś, -łoś; pił, -ła, -ło, piliśmy, -łyśmy, -liście, -łyście, pili, piły; jam pił, -a, -o, gdym pił, -ła, -ło. Формы эти принято на письмѣ сливать съ предшествующимъ словомъ. Такъ поступаютъ и почешски съ имѣющимся тамъ безсложнымъ s, изъ si, юси: piłas, tys piła. Поляки по примѣру прошедшаго времени образовали также новое (сильное) настоящее къ глаголу być, взамѣнъ древняго jeśm: какъ при był стояли byłem,-łeś, такъ при jest возникли jestem и jesteś; какъ при byli имѣлись byliśmy, -ście, при są появились старинныя и народныя sąśmy, sąście. Теперь вмѣсто послѣднихъ обыкновенно (въ литературной рѣчи всегда) новотворки къ однинѣ: jesteśmy, jesteście.

2. Преждепрошлое (plusquamperfectum) состоитъ или (какъ обыкновенно, а, можетъ быть, и постоянно, въ староцерковномъ) изъ имперфекта помогальнаго глагола и элеваго причастія спрягаемаго, или же изъ перфекта съ тѣмъ же причастіемъ, такъ что содержитъ два такихъ причастія. Посербски: похвáлио бȉјāх, либо бје̏х, или бȉо сам похвáлио. Пословенски: bil sem pohválil. Поболгарски: похвали́л бѣх и похвали́л съм би́л. (Также съ аористомъ, что у другихъ славянъ, да иногда и у болгаръ, обозначаетъ условное наклоненіе, — похвали́л бих). Почешски: pochvalil sem byl, встарь также pochvalil biech либо běch (2 и 3 лицо bieše или bě). Попольски: pochwaliłem był. Поверхнелужицки: běch pokhwalił (во 2 и 3 лицѣ — běše либо bě). Понижнелужицки: тоже běch, běse (bě) pochwalił или же pochwalił som był.

3. Будущее время по староцерковному въ совершенномъ видѣ выражается формой настоящаго, въ несовершенномъ — описывается посредствомъ помогальныхъ глаголовъ **имамь, вьчьнѫ, начьнѫ** и **хоштѫ**, съ инфинитивомъ спрягаемаго: **любити имамь, вьчьнѫ** и т. д. Двоякость, смотря по виду, замѣчается также у русскихъ, чеховъ, поляковъ и лужичанъ; послѣдніе, впрочемъ, допускаютъ описанье и въ совершенномъ видѣ. У южныхъ славянъ будущее всегда описывается, хотя описальное выраженіе иногда сливается въ нѣчто цѣльное. Тотъ же помогальный глаголъ, какъ и порусски (**бѫдѫ**), употребляется у чеховъ, поляковъ, лужичанъ и словенцевъ. Почешски и полужицки онъ тоже имѣетъ при себѣ инфинитивъ спрягаемаго глагола: chváliti budu, khwalić budu, chwaliś budu. То же сочетаніе употребляютъ и поляки: chwalić będę; однако у нихъ въ ходу и элевое причастіе: będę chwalił. Послѣднее выраженіе, первоначально обозначавшее преждебудущее, исключительно господствуетъ у словенцевъ: bom (bodem) hválil; также bom pohválil. Посербски и поболгарски помогальный глаголъ есть **хоштѫ (хъштѫ)**, при чемъ замѣчается довольно большое разнообразіе выраженій, у болгаръ отчасти различаемыхъ по смыслу. Посербски: хо̀ћу похвáлити, ја̂ ћу похвáлити и слитно похвáлиħу.

Поболгарски тоже является инфинитивъ (усѣченный): похвалйштѫ, плéштѫ, нéштѫ, грéштѫ; или же берутся двѣ личныя формы, соединенныя (почти всегда опускаемымъ) союзомъ «да», при чемъ первая обыкновенно застываетъ въ видѣ перваго или чаще всего третьяго лица одниньі: штѫ да похвáлѭ, штеш да похвáлиш, ште да похвáли и т. д.; штѫ похвáлѭ, штеш похвáлиш, ште похвáли; штѫ похвáлѭ, штѫ похвáлиш, штѫ похвáли, штѫ похвáлим, штѫ похвáлите, штѫ похвáлѭт; ште похвáлѭ, ште похвáлиш и т. д.

Преждебудущее. Въ староцерковномъ — бѫдѫ сътворилъ. Поболгарски: штѫ бѫдѫ похвалйл или штѫ съм похвалйл. Постарочешски: budu pochvalil. Въ остальныхъ языкахъ такого времени нѣтъ. Попольски и пословенски, какъ мы видѣли, есть соотвѣтственное выраженіе, но обозначаетъ простое будущее.

Условное наклоненіе состоитъ изъ элеваго причастія и аориста глагола быти. У сербовъ имѣется, кромѣ 3-го лица множиньі, полное спряженіе по лицамъ: хвáлио бих, би, би, хвáлили бисмо, бисте, би. То же встрѣчается у болгаръ, хотя у нихъ хвалйл бих обыкновенно равносильно хвалйл бѣх, а условность выражается настоящимъ несовершеннаго вида. Какъ у сербовъ, такъ и у верхнихъ лужичанъ: khwalił bych, by, by и т. д. Почти такъ и почешски: chválil bych, bys (встарь также by), by, chválili bychom, byste, by. Попольски: chwàliłbym (встарь и въ народѣ также bych, рядомъ съ чѣмъ являются перфектныя перволичья, какъ chwaliłech, т.-е. уподобленье перфекта аористу, обратное обычному вліянію перфекта на аористъ, какое мы видѣли уже выше въ чешскомъ 2-роличьи bys), chwàliłbyś (встарину и by), chwàliłby, chwalilibyśmy, -łybyśmy (встарь и bychmy, bychom), -byście, -by. Встарину видимъ также во множинномъ 3-тьеличьи чешское и польское bychu, bychę, порусски быша; но это скорѣе — не архаизмы, а возникшія-было и вновь утраченныя старинныя новотворки, и «бы» примыкаетъ къ древнему бѫ, изъ праязычнаго bhu̯oint, принадлежавшаго къ истинному условному наклоненію, сохранившемуся лишь въ нѣкоторыхъ староцерковныхъ памятникахъ, да у хорватовъ-чакавцевъ: бимь, би, би оубилъ, -ло, -ла; бимъ, бите, бѫ оубили, -ла, -лы; бивѣ, бита, бите оубила, -лѣ, -лѣ; bin (конечный n изъ m) govorìl, bimo, bite govorìli. Понижнелужицки и пословенски, такъ же, какъ порусски, знакъ условности превратился въ частицу: ja chwalił by, my chwalili by; jest hválil bi, mi hvalili bi.

Условное прошедшее. Это время образуется, при помощи двухъ элевыхъ причастій, изъ условника глагола быти и изъ элеваго причастія спрягаемаго, напр. посербски: бйо бих говòрио.

Терпный залогъ. 1) Выражается залогомъ возвратнымъ, напр. пословенски: govorí se. Или 2) описывается при помощи прошедшаго причастія терпнаго и существительнаго глагола, напр. пословенски: hvàljeni smo. Настоящное причастіе терпное, понятно,

и въ такихъ соединеніяхъ имѣется лишь въ церковномъ языкѣ да въ русскомъ литературномъ: **любимъ бѫдѫ**, я был любим.

Поляки берутъ также другой помогальный глаголъ: zostać — остаться, сдѣлаться, напр. został zabitym (онъ былъ убитъ).

Лужичане пользуются глаголомъ wordować, hordowaś изъ нѣмецкаго werden дѣлаться, становиться, напр. ja worduju pytany (pytać спрашивать).

Отмѣтимъ еще польскія безличныя выраженія, въ родѣ zadzwoniono — зазвонили, zabito go — его убили, и русскія параллели къ нимъ, въ родѣ «какъ мало прожито, какъ много пережито».

Впрочемъ, всѣ славяне предпочитаютъ дать рѣчи дѣйный оборотъ.

Дополненіе къ стран. 16-й.

Для языка словенскаго можно указать носовое произношеніе юсовъ во «Фрейзингенскихъ статьяхъ» (X вѣка), гдѣ, при обыкновенной замѣнѣ ѫ черезъ o (также черезъ u) и ѧ черезъ e, встрѣчается нѣсколько разъ написаніе черезъ on, un и разъ черезъ en: poronso, mogoncka, sunt, vensih, что надо читать poręčo, mogąča, sąt, vęčih и сопоставлять со староцерковными **поржѫ, могѫшта, сѫть** и **вѧштихъ**. Правда, фрейзингенскіе тексты восходятъ къ староцерковнымъ и въ указанныхъ случаяхъ, пожалуй, могли бы своими on, un, en отражать юсы староболгарскіе, а не старословенскіе. Нѣкоторыя слова съ носовымъ элементомъ донынѣ слышатся, или по крайней мѣрѣ слышались еще около половины XIX столѣтія, въ Хорутаніи, въ Зильской долинѣ (рѣка Зиля, понѣмецки Geil): ronka, pont, mjesenc, lenča чечевица (**лѧшта**), srenča (***сърѧшта**) счастіе.

Носовой элементъ юсовъ сохранялся также въ вымершемъ языкѣ семиградскихъ Болгаръ. (Miklosich, Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗДАНІЯ
О-ва ВЗАИМОПОМОЩИ
СТУДЕНТОВЪ-ФИЛОЛОГОВЪ И. М. У.

Богословскій, М. М. Древняя русская исторія. Лекціи по рукописи лектора. М. 1916. Ц. 2 р. 20 к. (Отлитографировано.)

Брандтъ, Р. Ѳ. Обзоръ славянскихъ литературъ. М. 1915 г. Ц. 1 р. 15 к. (Отлитографировано.)

Грушка, А. А. «De rerum natura» Лукреція. Выборныя мѣста текста. М. 1914 г. Ц. 20 к. (Отлитографировано.)

Лопатинъ, Л. М. Исторія новой философіи. Часть I-я — до Канта. М. 1915 г. Ц. 1 р. 75 к. (Отпечатано.)

Лютеръ, А. Ѳ. Введеніе въ германскую филологію. По рукописи лектора. М. 1913 г. Ц. 2 р. 40 к. (Отлитографировано.)

Покровскій, М. М. «Pro Caelio» Цицерона. Введеніе, комментарій и переводъ. М. 1914 г. Ц. 3 р. (Отлитографировано.)

Покровскій, М. М. «Заговоръ Катилины» Саллюстія. Комментарій и переводъ. II-е изданіе. М. 1914 г. Ц. 1 р. 15 к. (Отлитографировано.)

Покровскій, М. М. «De re publica» Цицерона. Комментарій и переводъ. II-е изданіе. М. 1914 г. Ц. 1 р. 20 к. (Отлитографировано.)

Поповъ, Н. Г. Исторія Византіи. Лекціи по записи слушателей, редактированной лекторомъ. М. 1913 г. Ц. 2 р. 50 к. (Отлитографировано.)

Савинъ, А. Н. Исторія Зап. Европы XI—XIII вв. Лекціи по записи слушателей и конспекту лектора. М. 1913 г. Ц. 2 р. (Отлитографировано.)

Савинъ, А. Н. Вѣкъ Людовика XIV. Лекціи по записи слушателей. М. 1913 г. Ц. 3 р. 50 к. (Отлитографировано.)

Сперанскій, . Н. Новѣйшая русская литература. Лекціи по записи слушателей, редактированной лекторомъ. М. 1914 г. Ц. 3 р. (Отлитографировано.)

Ушаковъ, Д. Н. Матеріалы къ просеминарію по русскому языку. М. 1914 г. Ц. 10 к. (Отпечатано.)

Шамбинаго, С. К. Народная словесность. Лекціи по записи слушателей, редактированной лекторомъ. М. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к. (Отлитографировано.)

Складъ изданій: Моховая ул., **„Студенческое издательство“.**

Цѣна 60 коп.

YD 189

